

★ ОТРЯД СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ★

СПЕЦНАЗ

**Сергей
Макаров**

**УЗНИК
КОМНАТЫ
СТРАХА**

Спецназ ФСБ России

Сергей Макаров

Узник комнаты страха

«ХАРВЕСТ»

2013

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Макаров С.

Узник комнаты страха / С. Макаров — «ХАРВЕСТ»,
2013 — (Спецназ ФСБ России)

ISBN 978-985-20-0039-0

В мастерской модного художника Виктора Цилицкого умирает (как чуть позже выясняется – насильственной смертью) начальник местного департамента землепользования Эрлан Асанов. Смерть столь важного чиновника нарушает шаткое равновесие, существовавшее между бутовскими мафиозными группировками. В дело вынуждена вмешаться команда спецназа ФСБ под руководством Влада Зуброва...

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-20-0039-0

© Макаров С., 2013
© ХАРВЕСТ, 2013

Сергей Макаров

Спецназ ФСБ России.

Узник комнаты страха

– Столик, Шмилкин! По коням!

Зубров выключил мобильник, сунул его в карман широких черных штанов, подхватил с вешалки черную кожаную куртку, накинул ее на плотные, тренированные в спортзале плечи и распахнул дверь.

– Влад, куда нас черт несет? – оторвался от своего излюбленного пасьянса Толик Столовой.

– На кудыкину гору, – проворчал Шмилкин, шаря в завалах на своем столе. – Судя по возбуждению шефа, где-то нарисовался важный жмурик.

Отыскав наконец пульт и нажав кнопку, он выключил старый «Панасоник», висевший в углу бригадной комнаты под самым потолком, и принялся сноровисто хлопать ящиками стола, пряча в них документы, флэшки и диски.

Как только щелкнул последний замок, Шмилкин двинулся к выходу. Одевался он на ходу, всовывая руки в узкие рукава своей куртки-шинельки и испытывая при этом некоторое неудобство: уж слишком тесной была одежда.

– Я все жду, Виктор Ильич, – хмыкнул Толик-Столик, догнав Шмилкина после того, как замкнул бригадный штаб, – когда у тебя куртка по швам, наконец, треснет. Неудобная же!

– Удобная, когда уже надета.

– Размерчик явно не твой.

– А ты на других не смотри, – обиделся Шмилкин. – Зато она теплая. И модная. Не то что у тебя, ведь ты ходишь, как дед, только что из колхоза.

– Это у отморозенных панков и обдолбанных худеужников она модная. Да и то – от скудости ресурсов, – не отставал Столовой. – Они на блохушке на Марке из дерьма за три копейки наковыряют барахла, нацепят и думают, что закосили под поэтов!

Витя Шмилкин был самым молодым в команде. Он лишь пару лет назад демобилизовался и всего год, как вошел в состав отряда вместо Лехи Старцева, застреленного в ходе нелепой разборки между плотно сидящими на севере Бутово азербайджанцами и таджикскими новичками, пытавшимися осесть в этих местах. Таджиками верховодил наркобарон, объявленный в розыск аж в пяти странах. И из-за этого его международного статуса спецотделу ФСБ пришлось ввязаться в грызню. Отряд Зуброва направили в поддержку местному отделению ФСКН.

Ту ситуацию, в которой погиб Леха, ФСКН подала как «перехват крупных партий наркотиков». Парни утверждали, что все фигурировавшие в деле упаковки стиральных порошков – это не что иное, как замаскированная наркота. И были не правы: южане всего лишь делили несколько торговых точек. Но у них, разумеется, были пушки. Случилась перестрелка. Все палили во всех и уж кто там попал в Леху – гости из ближнего зарубежья или ребята из службы контроля за наркотой – следствие так и не установило. Но зуб за друга на наглецов из ФСКН у Зуброва остался. Толик Столовой полностью разделял негодование командира. Оба даже допускали, что эта гибель вполне могла быть замаскированным убийством. Дело в том, что с полгода назад Лешка Старцев, заступаясь за информаторов, работавших на отряд Зуброва, единолично отметелил, причем, надо отметить, на совесть, не только ФСКНовских лизунов, но и двух членов из их официальной бригады. А нечего было нарываться и подставляться! Они вели себя вызывающе нагло.

Заменивший Леху Шмилкин прикипел к отряду довольно быстро, поскольку был бесшабашно смелым, возможно, по причине все той же своей молодой дури.

– Ничего ты, Столик, не понимаешь в молодежной моде! – возвестил Шмилкин, шагая по темному коридору. – И в экономии ресурсов не понимаешь ни шиша.

– Ага, вижу я вот сейчас эту экономию – в коридоре хоть глаз выколи! И чей же глаз, скажите вы мне?! Я же этим глазом работаю. Это отдыхать я могу с закрытыми глазами...

– Заткнитесь, – не оборачиваясь, буркнул Зубров.

– Так, а куда же мы, все-таки, спешим? А, Влад? – ухватив проблеск внимания командира к подчиненным, поинтересовался Столик.

– Голос, донесшийся с верхнего этажа, сообщил, что душа нашего друга Эрлана отправилась в путешествие по другим мирам с билетом в одну сторону, – не оборачиваясь, в такт своим шагам сообщил командир.

– Ты об Асанове?! – удивился Витя.

– Так точно, Виктор Ильич, – кивнул Влад.

– Эрлан Асанов, – повторил Столовой, – ух ты... А это точно?

– Дурацкий вопрос, – огрызнулся, не оборачиваясь, Зубров.

– Ну дела! – расставляя слова в такт широким шагам командира, выдохнул Виктор. – Сейчас не только Бутово, сейчас вся Москва на уши встанет.

– Местная полиция, которая там отирается уже минут тридцать, полагает, что это несчастный случай, – сообщил Влад, продолжая чеканить шаг по коридору. – Дескать, смерть вследствие эпилептического припадка и неумелых действий лиц, находившихся рядом.

– У Асанова была эпилепсия? – удивился Анатолий Столовой. – Я не знал.

– Такие проблемы, Столик, не афишируют, – слегка раздраженно пояснил Влад. – Тем более, когда речь идет об игре, в которую ввязался Эрлан.

– Дело ведет полиция, как я понимаю? – поинтересовался Витя.

– Понятливый! – хмыкнул Зубров.

– А мы как ведем себя на точке? – деловито поинтересовался Толик и тут же чертыхнулся, потому что в полутьме коридора зацепил ногой за стул, стоявший в небольшой нише около двери какого-то кабинета.

– Гораздо аккуратнее, чем ты сейчас! – хмыкнул командир и остановился.

Повернувшись лицом к товарищам, он объяснил:

– Парни, у нас не заведено дела по этому случаю, но там, – он ткнул отставленным большим пальцем руки, указывая направление вверх, – просили присмотреться. У Асанова были большие связи вне пределов нашей необъятной родины.

– Понятно, понятно: чтобы без присмотра не выплыло бы чего...

– Да. И чтобы вовремя уловить, кто за этим стоит. Может быть, землемеру помогли откинуться.

– Ставлю семьдесят против тридцати, что так оно и есть, – решительно предложил Столовой.

– Я больше, чем пятьдесят на пятьдесят пока не готов играть, – смущенно высказал свою позицию Шмилкин.

– Девяноста против десяти, что ему помогли, – кивнул Зубров. – И хорошо бы узнать, кто именно, еще до того, как это просекут другие.

На этом Влад, решив, что сказал достаточно, развернулся и зашагал дальше. КПП замаячил в конце коридора вялым желтым маревом.

* * *

В просторной мастерской топтались люди. Днем она освещалась натуральным светом, попадающим сюда из больших окон, расположенных под высокими потолками. Сейчас, осен-

ним вечером, окна прятались в сумраке, а чистые белые стены отражали холодный и колючий неоновый свет.

Тело лежало в нише между рядами плотно составленных друг к другу картин. На полу вдоль его контура была наклеена толстая светлая липкая лента. С первого взгляда было видно, что Эрлан Асанов изрядно помучился, прежде чем отошел в мир иной. Вокруг его головы уже подсыхала лужица грязновато-белой жижи, которая какое-то время назад была пеной. Следы ее виднелись и на лице покойного, что говорило о том, что он успел покувыркаться, прежде чем отдал душу то ли Богу, то ли дьяволу.

В дальнем углу мастерской, превращенном в нишу несколькими перегородками, составленными из полок, напротив промятого, но все еще не выцветшего дивана стоял низкий столик, перегруженный грязными чайными чашками, составленными друг на друга тарелочками с остатками еды, мутными стаканами, вставленными один в другой. На куске копченого мясного рулета лежал охотничий нож с засохшей каймой из хлеба и мяса. Рядом, прямо на столешнице подсыхали черные хлебные ломти. Тут же между тарелками и остатками еды застыли оплавленные, сгоревшие почти до самого стола три свечи.

Пара широких мягких кресел громоздилась с двух сторон от столика. В одном из них сидел Пал Палыч Кузнецов, следователь пенсионного возраста из ближайшего отделения полиции. На диване же в нервном изгибе, вжав все, что было возможно, в свою отнюдь не измученную физическими упражнениями грудную клетку, сидел фасонно стриженный, но пару дней не бритый мужчина лет сорока. Видимо, хозяин мастерской. Видимо, художник. Видимо, он и вызвал полицию. Видимо, Пал Палыч как раз только-только закончил допрос. При появлении в дверях бригады ФСБ он поспешно захлопнул блокнот, поднялся и зашагал навстречу гостям.

– Здравствуй, Пал Палыч, – улыбнулся Влад. – Смотрю, ты на старости лет живописью заинтересовался? Собираешься на пенсии открыть галерею искусств? Хорошее дело! И что ты тут присмотрел?

Влад небрежно откинул покрывало, закрывавшее ближайшую картину.

На всеобщее обозрение предстала обнаженная до пояса девушка, изображенная в натуральную величину на черном фоне. Она закинула одну руку за голову, показывая подмышку. По всему казалось, что она собралась брить там волосы, к тому же в другой руке она как раз держала бритву. Опасную. И все бы, вроде, ничего, но этой самой бритвой изображенная престелница уже успела надрезать и от соска почти до пояса отодрать лоскут собственной кожи шириной примерно сантиметров десять, обнажив ярко-красные мышцы, прикрывавшие реберные кости. Судя по всему, никаких признаков боли девушка при этом не испытывала. Она равнодушно смотрела куда-то за боковую раму картины.

Брови у Зуброва полезли на лоб. Толик Столовой присвистнул и подошел поближе. Витя Шмилкин, мельком глянув на красавицу, пошел к другой картине и откинул закрывавшее ее покрывало. На полотне спиной к зрителям стоял мужчина, поднимающий вверх обеими руками серый свитер. Вместе со свитером он отрывал вдоль позвоночника широкую полосу собственной кожи, оставляя белые костяшки обветриваться в обрамлении еще не засохшего, кровоточащего мышечного мяса.

– О! У нас тут маньяк с садистскими наклонностями, – высказал свое мнение о живописи Зубров.

– Влад, какая нечистая сила принесла тебя и твоих парней сюда? – наконец сердито спросил Пал Палыч.

– Я попрошу осторожнее! – выкрикнул со своего диванчика художник, взволнованный тем, что неподготовленный зритель вторгся в его творческую святая святых. – Я готовлю концептуальную выставку! Это серия работ...

– О серийных убийствах, замаскированных под суицид, – констатировал Зубров, накидывая покрывало на маниакально обнажающуюся девицу.

- Влад, я снова спрашиваю, что ты тут делаешь?
- Палыч, ты же понимаешь, что труп Асанов – это не просто труп. И не надейся, что это дело зависнет и ты сможешь его закрыть пару лет спустя.
- У тебя есть свидетельства о том, что это убийство? – недовольно спросил Кузнецов.
- Сейчас нет. Но я буду их искать. За Эрланом много ниток тянется.
- У тебя есть предписания действовать?
- Нет. Пока. Но они будут. Потому дай команду своим парням тут не шебуршить. Поаккуратнее, хорошо? Я скоро вернусь.
- Тебе тут нечего делать. Прочитаешь наши отчеты.
- Ага, – ухмыльнулся Зубров. – К тому времени, как у вас будут готовы результаты вскрытия, придет официальный запрос о предоставлении информации. Полной. И не дай вам бог хоть что-то утаить.
- Какие еще результаты вскрытия?! – взвизгнул сорвавшимся голосом художник. – Я же все вам рассказал, товарищ... Извините, господин следователь. Он, то есть покойный, пришел на сеанс. Я портрет его писал. Три дня назад он пришел. Кто он такой – не назвал, сказал, что друзья меня ему рекомендовали. Аванс дал хороший...
- Аванс заменил тебе и имя, и фамилию, и мать родную, так? – ехидно хмыкнув, спросил Зубров, но художник будто не заметил этого и продолжал гнать пургу.
- Его интересовал стиль – натурализм. Как раз в нем я работаю...
- Я заметил, – хмыкнул Зубров.
- Портрет, сказал он, в кабинете будет висеть...
- В кабинете?! – усмехнулся Зубров. – Наверно рядом с товарищем, то есть, извините, с господином президентом.
- Что вы имеете в виду? – насторожился художник.
- Да ничего особенного, – вновь усмехнулся Влад.
- Я ничего не знаю про президентов! Я просто писал портрет. Вон, на мольберте стоит! Очень хороший портрет, между прочим, получается. Получался. Я не знаю, дописывать его теперь или нет? Как вы думаете, кстати?
- Родственники купят, – хмыкнул Столовой.
- Во-во! Перед гробом понесут и на могилу повесят – одобрительно кинул Зубров.
- Кстати, да, – охотно согласился художник и, семена вокруг Зуброва, продолжил тараторить. – Я уже все рассказал Пал Палычу, товарищу Кузнецову. Я сказал, что у нас это уже третий сеанс был, он аккуратно в шесть вечера приходил. В девять уходил. А сегодня вдруг у него этот приступ случился. Ну, и я чуть было не помер от страха, скажу я вам. Я даже не успел понять, что мне делать надо. Это было ужасно! Он тут чуть было картины мне не порвал, когда в конвульсиях бился. Я сообразил, что надо что-то делать, телефон нашел, так пока звонил – руки-то трясутся, вот, видите, до сих пор трясутся, – вызвать «скорую» хотел, так он уже и перестал дышать и дергаться. Пришлось вызвать полицию. И при чем тут вскрытие? – как будто вспомнив что-то важное, художник вперился в глаза командира эфэсбэшников.
- Положено! – хладнокровно отрезал Зубров.
- Я же сказал, он сам вдруг упал. Затрясся. Я чуть не умер от неожиданности. А потом – от страха.
- Зубров, – поморщился Пал Палыч, – если ты не предъявишь мне сейчас документы на то, что находишься тут согласно официальному приказу, выписанного с соблюдением всех правил и предписаний, то брысь отсюда. Это – зона преступления. Ты мешаешь следствию!
- Командир отряда ФСБ хлопнул следователя по спине, может, чуть сильнее, чем следовало бы, потому что тот поперхнулся.
- Прости, старина, не рассчитал. Есть еще сила в пороховницах, – сказал Влад и направился к выходу.

Перед дверью он остановился, оглянулся, еще раз окинул взглядом помещение.

– Спасибо, Палыч, что сразу не выгнал. Я все ухватил. Готовь результаты вскрытия. Бумагу пришлем. Повезло мне с тобой, старина. Если на пенсии станет скучно, приходи, я для тебя что-нибудь придумаю, у меня много клиентов, которым тренированные мозги нужны. Для тебя – точно – дело найдется. Не отказывайся! Это лучше, чем таким барахлом торговать, – указал он кивком на покрывала, накрывшие странные картины, затем, наконец, покинул мастерскую. Его бригада последовала за командиром.

– Почему ФСБ? – вдруг прямо над ухом Пал Палыча капризно взвизгнул горемыка-художник. – Какое такое вскрытие? Я же говорю – он сам упал.

– Значит, вы уверяете, – устало глядя на него, вместо ответа спросил Кузнецов, – что покойный не говорил о том, кто вас ему рекомендовал?

– Нет. И какое это имеет значение? Ведь не обязательно, что те, кто его прислал, подсыпали ему накануне всякой ерунды, правда? Не обязательна тут связь. Правда?

– И он ничего не принимал при вас? Лекарства? Алкоголь?

– Нет, что вы, упаси Господь! Я не выпиваю с мало знакомыми мне клиентами. Я и есть-то не с каждым сяду за один стол! А выпивать – тем более!

Пал Палыч глянул через плечо собеседника на столик с подсыхающей едой. Хотя он сделал это безо всякого умысла, художник понял это по-своему.

– О, – встрепенулся он, – ну да – я трапезничал как раз перед его приходом. Я, знаете ли, после шести не ем. Я на диете. Фигуру надо соблюдать. В моем возрасте без специальных усилий в этой области уже только рассыпаешься и дряхлеешь. А я все-таки человек публичный, довольно известный, как я уже говорил. Мне надо держать себя в рамках визуально приемлемой формы, вы понимаете?..

– Если честно, то нет. Не понимаю, – признался следователь.

Художник на мгновение смутился, но тут же перевел разговор на другую тему.

– Как я сказал, я человек публичный, даже знаменитый. Понимаете ли, мне не нужна какая-либо огласка. Надеюсь, что понимаете?

– Отчего же не нужна. Разве не говорят в вашем кругу, что любая реклама – это хорошо, а негативная реклама и вовсе работает лучше позитивной.

– Но не убийство же?! Скандал – да. Но криминал... Я, знаете ли, неуютно себя чувствую в этой ситуации.

– Ну да, ну да, – устало промямлил следователь, думая о чем-то своем.

– Скажите, господин Кузнецов, Пал Палыч, а какая разница-то, кто ему меня порекомендовал? Это мог быть любой человек, видевший мои картины, а телефоны легко найти в интернете. На страницах московских художественных сайтов. Галереи, выставки, история современного искусства, энциклопедии. Ну, вы понимаете?

– Даже так? – все еще думая о своем, скорее ради приличия, чем из сочувствия, поинтересовался следователь.

– Ну конечно! – художник, вспомнив о своей значимости для искусства, похоже, начал отходить от шока, даже щеки у него порозовели. – И, знаете, что я думаю? Я полагаю, что если вы подозреваете, что ему кто-то помог... ну, умереть помог, я имею ввиду, то это мог быть кто угодно из его знакомых, с которыми он встречался до прихода ко мне. Совсем даже не те люди, которые меня порекомендовали.

– Да. Спасибо, уважаемый...

– Виктор я. Виктор Цилицкий.

– Да, конечно. Спасибо, господин Цилицкий, за помощь и подсказку версии. Я бы сам никак не разобрался.

Художник насупился, видимо, понял сарказм следователя, но так и не нашелся, что ответить. Тем временем бригада заканчивала свою работу. Видя, что все что нужно сделано, Кузнецов сменил тон.

– Попрошу вас, господин Цилицкий, не покидать город, – официально объявил он хозяину мастерской. – В ближайшее время мы вызовем вас. Вы пока что – единственный свидетель.

– Но вы обязательно узнайте, где он был до меня и что делал!

– Спасибо за еще один ценный совет. Я сделаю это первым делом, уверяю вас.

– Простите, а это вообще кто? – Цилицкий кивнул в сторону санитаров, выносивших труп из мастерской. – Был...

– Вы что же, правда не знаете?

– Нет.

– Газеты не читаете?

– Упаси меня Господь?! Конечно, нет. Изредка смотрю Интернет, но только культурные новости. Телевизор не смотрю, политикой не интересуюсь. Я нервы берегу. Я слишком мнительный, знаете ли.

– Понятно, – сочувственно покивал головой Пал Палыч, – но начальство, как говорится, надо знать в лицо. Господин этот, тело которого только что унесли, был важным чиновником в вашем районе. Очень вероятно, что кому-то он стал поперек горла. Не поспособствовал или вовсе помешал.

– Чем он руководил?

– Департаментом землепользования в Бутово.

– Да что вы говорите?! – воскликнул Цилицкий так, будто это напрямую касалось его личных интересов. – Вот же как странно получается: он – чиновник всего лишь районного масштаба, а цену за портрет мне предложил такую, какую не каждый олигарх отжалует. Я думал, он предприниматель.

– Олигархи потому и олигархи, что деньги берегут. Они их с изрядным трудом добывают, а чиновникам капиталы с неба падают. Особенно если чиновник сидит, как говорится, «на земле». За землю всегда дрались, дерутся и драться будут.

– Ага, я, кажется, понимаю. «Сидящий на земле» чиновник может хорошенько погреть руки.

– Весьма образно, – кивнул Пал Палыч, глядя на обрисованный контур трупа.

– Ну да, ну да, на том и стоим, на образности. Работа такая.

– А моя работа – разобраться. Так что, господин Цилицкий, прошу вас никуда не уезжать в ближайшее время и по первому же вызову явиться к нам для дачи официальных показаний.

– Я никуда не собираюсь уезжать, – безразлично кивнул художник, – так что буду рад еще одной встрече. До свидания. Был рад познакомиться. То есть я хочу сказать, что при других обстоятельствах...

* * *

Влад Зубров, Толик-Столик и Шмилкин терпеливо сидели в своем мультивэне и через тонированные стекла наблюдали за происходящим. В темноте было плохо видно, кто ходит вокруг да около, но сам подъезд освещался ближайшим, слава Богу, работавшим фонарем довольно ярко. К тому же тут все еще урчали несколько служебных полицейских машин, освещающая площадку перед домом зажженными фарами.

Как и предполагал командир, тело вынесли вскоре после того, как они ушли из мастерской. Еще через несколько минут после этого из подъезда вышел Кузнецов, сел в свою служебную «Волгу» и растворился в суматохе московских дорог.

– Пал Палыч уже не тот, – не без сочувствия в голосе прокомментировал Зубров. – Я помню, как он давал жару еще лет пять – семь назад, о нем вся Москва говорила.

– И мы состаримся, – равнодушно констатировал Анатолий, а Шмилкин на водительском месте только повернул голову, косясь в салон, где расположились коллеги, и громко хмыкнул.

– Ты, Столик, да, – отбрил Влад, – состаришься. А я не доживу. У меня работа смертельно опасная.

– Одну работу работаем, между прочим, – напомнил обиженный Столовой.

– Ну да, ну да, – кивнул Зубров и согнал с губ улыбку. – Ладно, все – шутки в сторону. Менты разлетелись и теперь вот-вот появится художник. Готовимся к преследованию.

– Всегда готовы, – заводя мотор, ухмыльнулся Виктор.

Минут десять ничего не происходило. Шмилкин на своем водительском посту расслабился, откинувшись на спинку сиденья, но вверенный ему мотор минивэна тихонько похрюкивал, готовый вмиг взречь на полных оборотах. Наконец в темноте прощуршал мимо и остановился около подъезда ярко-зеленый Mini Cooper. Из машины вышла женщина в длинном кожаном пальто, его расцветка имитировала шкуру леопарда. На ногах у нее были такие же леопардовые сапоги на высокой шпильке. Женщина нажала несколько кнопок в своем мобильнике, сказала в аппарат пару-тройку слов, выключила связь и закурила тонкую сигарету.

– Мужики, а шкурка эта натуральная или плюшевая, как думаете? – спросил Шмилкин.

– Ты тут не браконьеров ловишь, а преступников, – напомнил ему из темной глубины автобуса Зубров, – знай свое дело.

– А вот и мой тезка! – воскликнул, встрепенувшись, юноша.

Женщина вознамерилась сделать всего третью затяжку, когда на освещенном уличным фонарем пороге подъезда материализовался Цилицкий. Он воровато огляделся по сторонам, поцеловал дамочку и юркнул на переднее сиденье ее машины. Женщина же, в отличие от ее друга, вела себя спокойно. С истинно королевской грацией она докурила свою сигарету. Когда она небрежно бросила окурочку в сторону мусорки, Зубров хлопнул Шмилкина по плечу:

– Трогай, Ильич, не зевай, миленький! Пускай они после нас стартанут. Дорога отсюда только одна – не потеряются. Как только свернем со двора, вперед их пропусти. Дальше следуй за ними аккуратно. Посмотрим, куда намылился наш утонченно-интеллигентный садист.

На проезжей части Mini Cooper рванул так, что Шмилкин даже чуть растерялся, уж очень неожиданным был такой ход, казалось бы, спокойной, уравновешенной дамы на высоченных шпильках.

– О! С этой мадам не легко вести личную жизнь – хмыкнул Столовой, хватаясь за ручку над окном, чтобы при рывке удержаться на месте.

– А ты рассчитываешь на такой вариант, что ли? – полюбопытствовал Зубров.

– Просто подумал. Она же играет какую-то роль в этой пьесе. Вот и набрасываю ее психологический портрет. С этой женщиной сосуществовать сложно.

– Если не отдаться целиком, без остатка, ее воле, – принял игру в аналитику Зубров. – Я полагаю, что человеку, который не любит сам принимать решения, такая партия будет по вкусу. Отдайся потоку – да и плыви себе быстро и уверенно вперед...

– Да, тем более, что говно не тонет, – кивнул Столик.

Mini Cooper вел себя на дороге уверенно и дерзко. Машинка подрезала соседей, бесстыдно обгоняла, врезаясь в правый ряд перед мирно урчащими автомобилями обывателей, но признаков того, что водитель заподозрил слежку, заметно не было. Это была просто жесткая езда без комплексов неполноценности и с полным пренебрежением чужим мнением.

В таком темпе довольно скоро, несмотря на вечернюю загрузку московских дорог, ведущих в сторону области, обе машины доехали до окраины. В этом месте Бутово с противоположной от МКАД стороны было темным и недружелюбным. Тут Зубров приказал Шмилкину

чуть притормозить и отпустить Mini Cooper на некоторое расстояние вперед, так как в этой пустоте они уже всерьез рисковали засветиться.

После третьего поворота во дворах команда Зуброва не обнаружила впереди зад шустрого автомобиля.

– Ну что, командир, переходим в режим тупого сканирования территории? – спросил Виктор, прекрасно зная, каким будет ответ, потому что других вариантов попросту не было.

Зубров не ответил. Столовой тоже промолчал, даже не отвернув голову от окна.

Автомобиль стоял в пятом дворе. Он замер около самого крайнего подъезда самого крайнего дома – дальше начиналась черная бездна, которая, возможно, вынашивала планы захвата города, но понятно было, что гораздо скорее город сам проглотит ее.

На этот раз уже не спрашивая, что ему делать, Шмилкин притормозил чуть в стороне, потянулся к бардачку перед пустующим пассажирским сиденьем справа от себя и, достав блокнот и карандаш, записал адрес дома.

– Четвертый подъезд, – одобрил его действия подсказкой Зубров.

– Последний, – с оттенком ухмылки вставил свое слово Столовой.

Зашвырнув блокнот обратно, Витя повернулся и спросил:

– Инспектируем подъезд?

– Нет, поехали. Мерзнуть не будем. Пробьём по базе, выясним, кто в этом подъезде числится в жильцах. А топяя по этажам, обнюхивая все двери подряд, мы вряд ли найдем, в какую квартиру они зашли. Погнали, мужики, домой!

– Согласен, – кивнул, трогаясь, Шмилкин.

– Только жрать охота, Влад, – прогудел из темноты автобусного чрева Столовой. – Может, заскочим к нашему хлебосольному другу?

– Правильная мысль! – охотно согласился Зубров. – Погреемся, расслабимся и заодно перетрем в свете последних событий кое-какие насущные дела.

– К Марату, что ли, рулить? – уточнил Виктор, включая радио.

– Так точно, солдат, туда.

* * *

Повезло! В сестринской никого не было. Впрочем, нечему удивляться – дневная смена закончилась уже час назад, все разбежались, а единственная на это время хозяйка помещения – ночная дежурная, как обычно, в начале своей смены ходит по этажам и отделениям, здоровается с подружками и делится с ними последними новостями своей незамысловатой жизни.

Люся с удовольствием плюхнулась на мягкий диван и крепко обняла, прижав к животу, сразу две диванные плюшевые подушки. Под закрытыми веками мелькали окровавленные скальпели, разматывались белые бинты, тут же покрываясь алыми пятнами. Длинные пальцы в резиновых перчатках нащупывали что-то во влажном месиве вскрытой человеческой плоти. Последняя операция этого дня продлилась дольше, чем обычно. Леня нервничал, Томка, его глуповатая ассистентка, все время роняла инструменты. Это была особая операция, не стандартная, как она поняла из поведения Лени. Но обошлось без осложнений. Хотя нервов сегодня потрачено было очень много, причем впустую, как казалось Люсе. Девушка закинула подушки за голову и вытянулась на диване.

Еще не выветрился Ленякин запах. Для него операция всегда была особенно сильным возбуждающим событием. Сам он объяснял это тем, что, оперируя человека, чувствует себя стоящим на границе жизни и смерти, как будто спорит со смертью, а совокупляясь с женщиной, как бы вбрасывается в обычное течение бытия. Интересно, подумала девушка, если моя смена не совпадает с его сменой, кого он трахает, жестко и самозабвенно, как будто мстит смерти за ее попытки ворваться в человеческую плоть в виде болезни? Неужели Томку? Нет, не может

быть. Если бы было так, не тащил бы он ее, Люську, к себе на глазах у ассистентки. Интересно, а что она думает? Догадывается или нет, в чем смысл уединений сладкой парочки сразу после операции?

Люся встала и подошла к умывальнику, спрятанному за белой больничной ширмой. Кусок стены в этом закутке был отделан плиткой. Мыло, белое вафельное полотенце на гвоздике – все как полагается. В продолговатом зеркале она увидела осунувшееся лицо, тусклые глаза, растрепанные волосы.

– Папик! Вот кто спасет твою униженную душу, – сказала Люся грустному отражению.

Тщательно вымыв и досуха вытерев руки, она взялась за сумку и, выгрузив оттуда кучу разных мелочей, извлекла наконец мобильный телефон.

Девушка набрала номер два раза подряд, но так и не дождалась ответа. Раздосадованно бросив аппарат на диван, Люся достала из сумки расческу и снова направилась к зеркалу. Более-менее усмирив свои кудри, она вышла на середину комнаты и обвела ее скучающим взглядом.

– Какая тоска, – покачала она головой. – Надо срочно что-то менять.

Девушка вернулась на диван и, складывая разбросанные вещи в сумку, продолжила рассуждение.

– Если тебе не нравится окружающий мир, начни перемены с себя, – посоветовала она косметичке и, спрятав ее поглубже, назидательно заметила блокноту, затем кошельку, губной помаде, флакончику с дезодорантом: – Если кажется, что тебе плохо или грустно, не изводи окружающих капризами, а встряхнись, займись каким-то делом. А то так и до депрессии дойти можно.

Отложив заполненную сумку в сторону, она вновь набрала интересующий ее номер и, как и раньше, не услышала ответа. Хмыкнув, Люся полистала странички телефонной книжки и набрала другой номер.

– Кать, привет! Ты где? Ну да, как всегда. А у тебя есть что-нибудь? Нет, я сегодня пустая, потому что один – прям бешеный, такой нервный, даже поговорить с ним нормально не получается, а другой вообще не отвечает. Как всегда, потом будет рисовать мне массу «уважительных» причин своего молчания. Не сомневайся. Да. Будем надеяться. Ну, так я приду? Через полчаса, думаю, буду. Жди.

* * *

Жогов ждал уже пятнадцать минут.

Вывеска над заведением, куда Пал Палыч попросил его прийти, сообщала, что это кафе «Сиэтл». Почему именно Сиэтл удостоился чести быть упомянутым на задворках российской столицы, теперь уже никто не знал, потому что заведение досталось нынешнему хозяину «за долги» прежнего хозяина. Дружбы эти двое не водили, рассуждать о том, что да почему имеет тот вид, который имеет, им было ни к чему, да и некогда, потому что дело о передаче решалось в срочном порядке. Под некоторым нажимом прежний хозяин переписал документы на нового владельца и, таким образом, долговые обязательства, со скрипом, правда, но все же были аннулированы. Новый хозяин не стал менять название. Ему было все равно. «Звучит неплохо, – говорил он, – пусть остается. Я не художник, чтобы самому красоты выдумывать!»

Игорь окинул взглядом помещение. Когда-то вместо довольно уютной комнатки здесь был парадный выход из подъезда. Во времена перестройки перестраивали все и вся на новый лад. В те времена фантазия господствовала, изобретательность культивировалась, но выше всего ценилась скорость – во всем, от принятия решений до совершения конкретных действий, преобразующих окружающий мир. Конечно, ведь в те времена можно было почти всё и все хотели оказаться первыми. Так можно было урвать кусок пожирнее. А потом халява закон-

чилась, наступили времена перераспределения. Вот, взять к примеру хозяина этого кафе. Он получил его уже готовеньким, с налаженным бизнесом. Он даже персонал не стал менять. Он просто начал получать всю выручку, не вкладывая ни сил, ни нервов в раскрутку этого дела. Если не считать мелких затрат на рэклет. А все потому, что когда-то одолжил денег на оплату кое-каких счетов. Оплатил, так сказать, счета тем, кому хотелось тут и сейчас, а потом просто забрал то, что оплатил.

Сам Игорь Павлович Жогов прекрасно знал, чего стоило поднять собственный бизнес. В прошлом, уже с первыми порывами свежего ветра, будучи уже настолько крепким, чтобы действовать решительно, он воспользовался случаем и стал дилером шоколадных конфет от фирмы «Марс». «Шустрый» – было тогда его кличкой.

Жогов гордился этим прозвищем. Он, действительно, был шустрым, благодаря чему довольно скоро продвинулся в делах до собственной монополии на закупки «марсов» и «сникерсов». Он стал у раздачи, у самой первой по эту сторону границы точки разделения торговых потоков.

Заниматься шоколадными конфетами оказалось супервыгодно. Их раскупали молниеносно и, чем больше ты протаскивал в страну, тем больше, казалось, народ жаждал отведать этого заветного заграничного плода.

До перестройки в бывшем Советском Союзе граждане особенно не шиковали, ассортимент товаров разнообразием не отличался, поэтому как только появилось нечто новое, слюна у них потекла рекой. А к хорошим ощущениям человек привыкает быстро и намертво. Чем больше людей удалось заставить попробовать новые ощущения, заключенные в упаковках «сникерса», «баунти», «марса», тем скорее товар улетал с прилавков, тем больше его требовали магазины, тем чаще навещали поставщики склады Игоря Жогова.

Вообще, Жогов заметил, что все люди делятся на «системных» и «внесистемных». Первым нужны рамки поведения. С одной стороны, они сами ищут, кому подчиниться – будь то Бог, крестный отец мафии или руководитель страны. С другой стороны, они жаждут сами контролировать всех, кто лежит «под ними»: членов семьи, помощников, учителей своих детей, продавцов в любимых магазинах, ассортимент в любимых магазинах и так далее.

Игорь видел и такие примеры, когда из-за внутренней необходимости контролировать при недостатке возможностей для этого люди впадали в паранойю. С одной стороны, окружающие казались им зомбированными, то есть подчинившимися чужому, а не их влиянию.

С другой стороны, не имея возможности контролировать людей и управлять ими по своему усмотрению, такие страждущие власти начинали искать врага: «обнаруживали» тайную за собой слежку, во всем видели скрытые происки спецслужб, подозревали, что против них применяют новые виды психотропного оружия, которыми, как будто бы, власти пытаются связать и подавить волю подвластных им людей.

Другая же половина человечества принадлежит, по мнению Игоря, к совершенно иному складу. Им свойственно пренебрегать какой бы то ни было системой, они равнодушны к порядку, скорее, даже любят беспорядок, хотя формально могут настаивать на обратном. Они просто не знают, что такое истинный порядок! Из таких выходят революционеры, колебатели общественных основ и устоев. Однако, взрывая и сокрушая то, что им не мило, они сами не способны построить что-то более-менее прочное. В лучшем случае из таких людей получаются художники и музыканты – те представители человеческого рода, которые могут посмотреть на происходящее под «другим» углом и найти необычные способы выразить свою идею. Иногда им удается, однако, пробить большую брешь в массовом сознании, этим они и опасны. На одной крайности этого подтипа стоят гении, считал Игорь, на другой – бомжи.

Сам себя он не пытался однозначно приписать к тому или иному племени, поскольку придерживался того убеждения, что в каждом человеке есть как одна, так и другая сущности, но у большинства одна из них доминирует.

Войны закончатся, полагал Жогов, когда в общей массе населения планеты усилятся творческая структура. Сейчас же, ему это было совершенно очевидно, все беды человечества случаются от того, что оно само себя поедает. Выход в дальний космос и его завоевание – вот реальная панацея от земного человеческого самоедства. Чтобы не пожирать самого себя изнутри, надо обязательно найти объект вне, такой объект, который можно подчинить, которым можно будет управлять, не истязая свое собственное сознание природной потребностью контролировать.

Игорь, однако, как человек здравомыслящий, признавался самому себе в том, что, хотя и есть у него творческая жилка, которая проявляется в таланте выдумывать новые бизнес-схемы, доминирует в нем все же системность. Если бы было иначе, не смог бы молодой человек довольно быстро выстроить мир сообразно своим интересам. К тому же у него была просто маниакальная склонность создавать четкие структуры. Сначала он построил сеть для продажи шоколадок, потом – сеть небольших кондитерских магазинчиков, которой он развлекался, однако не очень долго, потому что следить за неустанным поддержанием разнообразия ассортимента оказалось довольно хлопотным делом. Теперь вот он стал хозяином большой сети прачечных. Это дело уже совсем иного свойства. Его золотую перспективу Жогов понял сразу, как только взглянул на бизнес-идею.

Ассортимент вроде бы один: услуга по чистке всего, что изготовлено из ткани. Не важно, что внутри есть разные, скажем так, сорта этой единой услуги, так же как могут быть разными сорта водки или шоколада. Важно то, что у него в руках – монолитная услуга. Причем ему не надо искать этот товар, прочесывая первичные рынки, или выбивать его из поставщиков – хитростью или силой. Эту его услугу надо просто один раз организовать. А организовывать он любит. Ему легко удалось наладить производство чистоты, и востребованность его товара оказалась, пожалуй, такой же высокой, какую имели дефицитные когда-то иностранные шоколадки. К тому же, если шоколадки, которые в свое время сделали его человеком нового формата, со временем растаяли на рынке местного развивающегося производства, то с прачечными все получилось как раз наоборот. Люди все больше привыкали к тратам другого свойства. Жена перестала быть домашней прислугой и становилась либо партнером в делах, либо куклой для услады, даже мамы женщины хотели быть все меньше и начали сплошь нанимать своим чадам нянь. Тем более, никто из них не хотел больше заниматься таким трудом, как стирка! А холостые и занятые делом мужчины еще скорее попадали в зависимость от удобства чистки одежды в профессиональных мастерских.

Кроме этого, прачечные стали очень хорошей базой для еще одного бизнеса Игоря Жогова, или, как он сам называл его, «золотого хобби». Все же, начав в молодости с торговли, он не мог, да и не хотел, попросту транжирить навыки прокачки через свои руки товара. Ему нравилось обеспечивать поставки и налаживать сбыт. Да, он любил организовывать и контролировать потоки. Разве что, размениваться на шоколадки или даже алкоголь он уже брезговал. Это – мелко. Это – для маленьких, говорил сам себе Игорь Павлович.

Звон колокольчика оборвал его неспешное путешествие в прошлое. Открылась входная дверь, и вместе с шумом моторов и шуршанием колес, долетевших с улицы, в кафе вошел Кузнецов. К тому моменту, как Пал Палыч уселся за столик Жогова, один из трех в этом крошечном заведении, в помещении уже снова воцарилась тишина.

– Егор, плесни-ка мне соточку коньяку! – по-свойски бросил парню за стойкой Кузнецов еще на ходу. – И лимон порежь, расстарайся, пожалуйста. Сегодня у меня был трудный день.

* * *

– Позови Марата! – приказал Влад охраннику.

Все трое, не задерживаясь, прошли мимо амбала и, слегка пригнув головы под низким потолком полуподвального коридора, но все так же широко шагая, направились вдоль гардероба в основное помещение.

В главном зале пока еще было пусто. Публика тут собиралась ближе к одиннадцати, и основная ее часть зависала потом почти до закрытия, до пяти-шести часов утра.

Музыка играла тихо, тусклый свет горел лишь над некоторыми столиками. Бармен и его помощница неспешно двигались, протирая бокалы и расставляя бутылки. Официанты кучкой сидели около кухонной двери и болтали о каких-то пустяках.

В дальнем углу зала примостилась Катя. Она, оперевшись локтями на стол, с ехидным любопытством слушала другую девушку, которая сидела напротив. По ее спине и затылку Влад не смог понять, знакома она ему или еще нет. Рядом с девушкой, также напротив Кати, откинувшись на стуле, сидел Альмир. Его-то и по затылку Зубров узнал сразу. На столе стояли два бокала белого вина. Для девушек.

– В нашу комнату, – кивнул Зубов своим парням в сторону правого коридора, – там с Маратом поговорим. Я сейчас догоню.

Шмилкин и Столовой не без удовольствия поспешили в указанном направлении, сам же Влад направился к троице.

– Влад! Ты никак опять приперся по мою душу? – нагло усмехнувшись, спросила Катя.

– Для тебя, Катерина, я Владислав Игоревич. И попрошу, уже в который раз, между прочим, обращаться ко мне на «вы», – строго сказал Зубров. – Когда ты это запомнишь?

– Как, разве не в первый? – хмыкнула Катя. – Впрочем, все может быть, ведь я, Влад, очень забывчивая. И не собираюсь помнить всякие глупости.

– Ну, при родителях ты, помнится, такого себе не позволяла. Может, тебе помочь держать память в порядке?

– Ну, точнее, я помню, но только при родителях. А тут, Влад, это не вяжется с обстановкой. И я ничего такого – мы просто сидим, отдыхаем. Это, кстати, Люся, моя двоюродная сестра.

– Здравсьте! – кивнула Люся и растянула губы в неискренней улыбке.

– Здравствуйте, Люся, – Зубров взял ее руку со стола и мягко пожал. – Очень приятно. Кажется, я вас тут раньше не видел.

– Не пересекались как-то... – лениво, без всякого намерения продолжать с ним разговор, проямлила девушка.

– Все когда-то происходит впервые, – вставила Катя.

– Ну, вот, пересеклись, – завершил общение Влад и протянул руку для пожатия Альмиру. – Марат тут? Мы в ВиАйПи. Пусть подойдет. Есть разговор, и ты, кстати, присоединяйся. Серьезный разговор. Думаю, вы еще ничего не знаете. У вас тут тишина и благодать. Но ведь все когда-то меняется, как сказала эта милая малолетка.

– Я не так сказала, дедушка, – поморщилась Катя и даже показала ему язык, чтобы подчеркнуть свое нежелание повиноваться.

– Что за фигня, начальник? – насторожился парень, выпрямляя спину.

– Готовьтесь к проблемам. Жду в «випе».

Альмир еще не успел осознать все только что сказанное эфэсбэшником, а гость уже решительно зашагал к барной стойке.

Влад сделал заказ на напитки и направился к своим парням.

Альмир оставался на месте еще полминуты. Что говорили девушки, он уже не слышал, потому что мысли его путались, но вскакивать по первому слову этого надоедливого «околозаконника», как звали Зуброва охранники всех кафе, принадлежавших Марату, он не хотел. Он его, конечно, побаивался и не доверял ему, но признаваться в этом не хотел даже самому себе, а тем более – не хотел показывать такое перед девушками.

Альмир уже давно испытывал повышенный интерес к Кате и поэтому бессознательно стремился быть в ее глазах героем. Он старался казаться независимым не только от Влада Зуброва, ближайшего друга отца девушки своей мечты, но даже от самого Марата, которому был личным помощником, телохранителем и водителем. Иногда Альмиру даже мерещилось, что он – полноправный компаньон Марата Мураталиева, короля бутовского общепита, а не его слуга.

Из задумчивости его выдернул сигнал мобильного телефона. Звонил шеф.

– Альмир, ты где шляешься? Мне тут передали, что к нам Зубров пожаловал.

– Точно, шеф. Только что разговаривал с ним. Вот только что. Еще вижу его спину. И уже иду к вам.

Не прерывая разговора, парень спешно поднялся, махнув Кате, мол, уходит по делам, но не прощается, и едва кивнул Люсе, обозначив, что рад знакомству.

– Зубров сказал, – продолжал он отчитываться трубке, – что ждет нас в ВиАйПи для важного разговора. В чем дело – не сказал. Я уже на подходе, шеф.

Разговор прервался неожиданно. Трубка просто чуть пикнула и замолчала. Подняв глаза, Альмир уткнулся взглядом в своего начальника. Низкорослый худой мужчина уже пересекал зал клуба, засовывая телефонную трубку в нагрудный карман.

– Пошли! – скомандовал он телохранителю, проходя мимо него в направлении вип-кабинетов. – Из-за баб ты однажды потеряешь все, что имеешь!

– Никак нет, шеф! – побагровел от стыда Альмир. – Он, реально, только бросил мне пару слов и ушел, вот-вот, только что. Уверен, он еще даже не сел на свой стул, вот увидите, шеф!

На повороте в коридор, ведущий в зону для специальных гостей, в одном из кабинетов которой сейчас, впрочем, как обычно, расположился Зубров с компанией своих бойцов, на Марата чуть не налетел официант с подносом. Альмир как-то ухитрился вовремя просочиться чуть вперед и рукой преградил парню дорогу, давая хозяину проход.

– Ладно, ты помилован, – сухо отметил Марат, – но пусть Кирилл идет первым.

Хозяин кафе притормозил, пропуская юношу вперед себя, а потом еще чуть задержался пред дверью, но не настолько долго, чтобы парень успел закончить обслуживать посетителей. После достойной, по его мнению, проволочки коротышка, полный самоуверенного достоинства и в сопровождении здоровяка-телохранителя, просочился в комнату в самый разгар суматохи, поднявшейся по поводу появления напитков и первой закуски. Выступив радушным хозяином перед уже довольными посетителями, Марат махнул рукой официанту, отсылая его прочь, и уселся на один из мягких стульев, стоявших вокруг круглого стола на шесть персон.

– Чем обязан? – вежливо спросил хозяин. – Мне сообщили, что ты чем-то встревожен и желаешь непременно говорить со мной.

– Правильно сообщили, – кивнул Зубров и залпом осушил свою рюмку виски. – Приготовься к длинному и серьезному разговору. Прямо сейчас.

– Что-то действительно важное? – показывая свое нежелание принять продиктованные условия, спросил хозяин. – У меня есть запланированные дела. Ты, Влад, не предупреждал, что пожалуешь.

– Надо обдумать, как будем действовать, – не обратил внимания на этот выпад гость. – Сообща? То есть мы вам, а вы уж – нам из благодарности, или сделаем вид, что мы в упор друг друга не видим и будем играть каждый по своим правилам.

Зубров замолчал, набивая рот салатом, а Марат промолчал, предпочитая дожидаться, когда другая сторона закончит начатую тираду, поскольку не любил просить о милости.

– Но ты же меня знаешь, – наконец снова заговорил гость, – я все равно навяжу тебе мои правила.

– Ну, я вижу, что у тебя в кармане куртки лежит большой аргумент.

Влад непроизвольно кинул косой взгляд на кобуру, удобно прикрепленную сбоку. Это не ускользнуло от внимания Марата, он добродушно улыбнулся и уточнил:

– Удостоверение силовых структур, Влад. Я имел в виду твой официальный статус борца за закон и правопорядок. А в чем, собственно, дело? Будь так добр, сообщи, что тебя так тревожит.

– Скажи-ка, друг мой южный, чем тебя обидел давеча наш общий приятель Эрлан?

Марат не смог скрыть удивления, вопрос явно застал его врасплох. Глубоко посаженные под густыми бровями глаза пожилого мужчины, казалось, выкатились чуть ли не на уровень кончика его громадного носа. Однако, быстро опомнившись и взяв себя в руки, он ответил довольно спокойно:

– Помилуй, дорогой! Ровным счетом ничем. Уважаемый Эрлан Асанов не только мой хороший друг, но и драгоценный защитник и доброжелатель в этом чужом и опасном для меня мире под названием Москва.

– Да брось ты, Марат, не поясничай, – откинувшись на стуле, Зубров вонзил в Мурталиева колючий взгляд своих темно-карих глаз. – Ладно, давай начнем с начала. Говоришь, не ссорились вы?

– Упаси Боже! Зачем мне это надо?!

– А я слышал, он в последнее время тебе не очень охотно помогал в захвате площадей...

– Почему «в захвате», зачем ты так сердишь меня? У меня все зарегистрировано официальным путем и без противоречий...

– Расскажешь это в полиции! Все, хватит лясы точить! – оборвал его Зубров, подавшись вперед и упершись в стол локтями. – Мне интересно, зачем ты мне сейчас врешь? Я знаю, что ты на днях сильно поссорился с землемером. Лучше сразу выкладывай, чем он тебя обидел.

Мурталиев обреченно выдохнул, смерил долгим взглядом Зуброва и, наконец, неохотно заговорил:

– Ну, была у нас стычка по поводу одного домика. Нам... Мне он нравится. А Эрлан говорит, что уже другой пострел вперед меня поспел. Я его по-всякому уверял, что надо оставить здание себе. А он ни в какую не хотел участвовать и сделать так, чтобы дом этот я получил, а не чужак какой-то! Отличный ресторан был бы. Большой. Там много чего хорошего сделать можно было бы. Для местных людей и для нашей общины. Но, пустое, что я земляк ему! Пустое, что я ему долю от ресторана обещал! Он, знаешь ли, уважаемый, ну ни в какую не стал даже говорить мне, кто этот пострел, зачем ему дом. Ну почему так?! Что случилось, я никак не могу понять. Может, ты знаешь и объяснишь мне?

– И что же было дальше? Полагаю, что ты решил, что, убрав Асанова, сможешь заполучить свой домик?

– Что ты?! Что ты городишь, Влад? – возмутился Марат. – Не тот огород городишь! Неправильный! Такая бредовая мысль, как убить Эрлана, чтобы убрать его с моей дороги, мне не могла прийти в голову. Даже в бреду. Что я буду без него делать?! Подумаешь, разок повздорили. Между своими случается такое, ты же знаешь. Мы и с тобой сколько раз друг друга обижали, но все равно, свои люди должны держаться вместе.

– Мы с тобой не «свои» – не воображай. Просто приходится вместе работать.

Марат пропустил мимо ушей последнее замечание эфэсбэшника.

– Тем более, я, уважаемый, еще не сошел с ума, чтобы думать о том, что могу кого-то сдвинуть с поста районного руководителя отдела! У меня даже избирательного права нет, ты же знаешь, что я без гражданства.

– Даже странно, что до сих пор ты это не уладил, – ухмыльнулся Зубров.

– У меня и половина персонала работает нелегально...

– Ладно, хватит мне зубы заговаривать. Мы все знаем, что сегодня на посты сажают не голоса избирателей, а тяжелые кейсы с деньгами...

Марат снова пропустил замечание мимо ушей.

– К чему эти глупые вопросы? Ты, как мне кажется, зря тратишь и свое, и мое время. Ну, как ты себе представляешь, я мог убрать его с поста?!

– Вот и я говорю, что легально или даже подкупом – никак.

– О чем мы говорим, Влад? – потерял терпение хозяин кафе.

– А вот отравить его ты мог. Нужный препарат у тебя найдется, я уверен. За потайной дверью. Уж я-то о ней знаю! У тебя ведь целый супермаркет наркоты. На любой вкус и в любом количестве.

Услышав про потайную дверь, Марат побледнел. Его рука чуть дернулась на столе, и он поспешно положил ее на колено.

– Ты не сможешь доказать то, о чем сейчас говоришь. Зачем тогда говоришь? На понт берешь?

– А пошли проверим?

– Влад, ты чего хочешь от меня? – наконец рассердился Марат. – И при чем тут Эрлан и его должность? Он – мой друг, и ничего против него я замышлять не собирался и не собираюсь. Мы договорились, что он еще подумает, если уж тебе наша ссора покоя не дает.

– Значит, ты его ничем не травил?

– Нет. А что с ним? Он в больнице? Что-то до меня не доходит смысл нашего разговора.

– Он не в больнице, – сообщил Зубров, наливая себе еще рюмку виски.

– Слава Богу, – покивал раздраженный ситуацией, но чуть успокоившийся Марат.

Гость медленно, подчеркнуто выдерживая паузу, поднял рюмку, кивнув приятелям, и, как бы сам себе, сказал:

– Ну, за покойника – не чокаясь.

И опрокинул в рот рюмку.

– Влад, что ты имеешь в виду? – настороженно поинтересовался Мураталиев.

– Почил в бозе твой покровитель, Марат. Умер. Несколько часов назад. Я так и знал, что тебе еще не донесли. Я успел первым.

Зубров, откинувшись на спинку стула, ухмыльнулся. Мураталиев молча смотрел на него. Ноздри его начали чуть подергиваться, нервно расширяясь время от времени. Альмир заерзал на своем стуле. Толик и Витя отставили рюмки и тоже молча смотрели – один на Влада, другой на Марата.

– Мне, кровь из носу, надо найти инициатора этого убийства. Лучше – до того, как это сделают менты. А если в покойном обнаружат следы наркоты, то и раньше, чем ФСКН. Я уверен, что эти сразу прибегут.

– Не сомневаюсь, – погруженный в свои мысли, кивнул Марат. – А как он умер? Где?

– И при чем там наркотики? – вставил, против принятых правил, ошарашенный Альмир.

Зубров побарабанил пальцами по столу, переводя взгляд с хозяина на помощника, туда и обратно несколько раз. Потом, погруженный в свои мысли, повертел в руке пустую рюмку. Наконец, решительно отставил ее подальше и, расчистив таким образом перед собой на ска-терти место, тут же заполнил его, водрузив туда локти. Опираясь на них, Зубров подался вперед всем своим грузным корпусом.

– Я надеюсь, друзья мои, что вы отдаете себе отчет в том, какие вас ждут времена. Мало того, что вы лишились покровителя в структурах власти. Сильного покровителя. И не известно, как вам удастся договориться с его преемником...

И Марат Мураталиев, и его помощник почти синхронно кивнули головами в знак согласия со словами командира отряда ФСБ.

– ...Выясняя причины его смерти, менты будут копать везде.

– Да, я понимаю, что у нас они пороются с особенным пристрастием, хотя не логично думать, что это наша община его убрала.

– У них нет логики, как вам давно должно было бы стать понятно. Не первый же год замужем!

– Ну да, для них только выгода важна, – решил присоединиться к разговору Толик Столовой, – снять висяк и не подставить своих... спонсоров!

– Столик прав, – поддержал своего парня командир, – а спонсоров разного масштаба у них тьма. Никем не брезгают. Но, как всем здесь присутствующим известно, вы не входите в число их подопечных. Так? Или я чего-то не знаю? Лучше сейчас расставить все точки...

– Нет, нет, командир! Все именно так, – поспешил заверить Марат. – Нас с ними ничего не связывает. Они нам ничего не должны, мы им – слава Всевышнему, ничего не должны.

– Не благодари Бога за это. В данной ситуации это – твоя беда.

– К чему ты клонишь, начальник?

– Экий ты недогадливый... хозяин! Или прикидываешься дураком?

Худосочный пожилой мужчина заерзал на стуле под прицельным взглядом эфэсбэшника. Вместо Зуброва его мысль попытался объяснить снова Толик Столовой:

– Им, однозначно, надо будет кого-то слить во время следствия. Чем шире у них круг друзей и чем меньше с вами общего, тем больше вероятность того, что виноватыми будут делать вас.

– В точку! – одобрительно кивнул Влад и откинулся назад, спинка стула аж скрипнула под нажимом его плотного, тяжелого торса.

Хозяин заведения поджал губы, не зная, что сказать. Выдержав паузу, чтобы тот осознал ситуацию, Влад продолжил:

– В общем, так. Если не вы инициаторы этого маленького земельного переворота в отдельно взятой стране под названием Бутово, то вам все равно придется участвовать в его последствиях. И кто-то, как пить дать, захочет, чтобы отвечали за это безобразие именно вы. Я предлагаю вам единственно правильное решение. И вы должны определиться прямо сейчас с вашей будущей ролью.

– Варианты? – тут же полюбопытствовал Марат.

Влад ухмыльнулся, оценивая то, что собеседник спросил не то, какие он, Зубров, носитель власти, может предложить пути легкого выхода из предстоящей войны, а поинтересовался тем, что вообще может его ждать и в том случае, если Зубров будет поддерживать его, и в том, если Зуброва рядом не окажется. В последнем случае это может значить только то, что Зубров будет на другой стороне. Да, варианта было только два: либо Зубров с ним, либо – против него. Вопрос хозяина заведения свидетельствовал о том, что Марат Мураталиев не собирается подставлять свои нежные места кому бы то ни было, в том числе и давно проверенному в деле эфэсбэшнику. Понятно, что на защиту он не сильно рассчитывает. Точнее, он понимает, что беззаветной любви и благотворительной помощи он в принципе не увидит, а потому подойдет к делу трезво – будет торговаться, причем оценит не только предложенные Зубровым варианты, но и рассмотрит свои собственные, о которых эфэсбэшникам не скажет ни слова. Еще он потянет время, чтобы поразмыслить на досуге о том-ином. Еще будет пытаться играть свою игру. Впрочем, а когда было иначе? Вся фишка в том, что тот, кто лучше владеет ситуацией, тот и выигрывает. Так было всегда. А уж чем контролировать Мураталиева, Зубров найдет даже не напрягаясь.

– Подумай, – предложил Влад. – Но постарайся не ошибиться, потому что попробовать выбранный вариант можно только раз. Если ошибешься – пеняй на себя. В жизни нам дается только один вариант. Думаю, что даже тебе сейчас не интересно то, что может предложить тебе как альтернативу после смерти твоя религия. Мы же сейчас играем в жизнь, согласен?

Сухощавый Мурат буравил гостя колючим взглядом, ничем не выдавая своего волнения.

– Я могу предложить только один удобный нам обоим вариант, – по-хозяйски, чувствуя себя хозяином положения, продолжал Влад. – Ты мне сливаешь все, что связано, даже кос-

венно, с Асановым. И этого всего должно быть гораздо больше, чем я уже знаю. Так что постарайся. Я начинаю проверять все ниточки его жизни. И ты мне помогаешь нужной информацией, сливаешь связи, даже подставы. Ты понял?

– Ты сошел с ума? Меня убьют свои же.

– Если подсуетитесь и поможете мне сделать все быстро, то, наоборот, ваш бизнес со всей вашей гребаной наркотой никто пальцем не успеет тронуть. За это твои же тебе потом премию дадут.

– В виде пары килограмм дури, – хихикнул Шмилкин.

Зубров косо и сердито стрельнул в него глазами, давая понять, что парень не попал в тему, и предупреждая, чтобы больше он никогда так не делал.

– Ты хочешь сказать, что гарантируешь нам защиту в любом случае?

– Но ты же уверяешь, что не виноват...

– В смерти друга – не виноват...

– Хм, – Зубров забарабанил пальцами по столу. – Ладно. Да, говорю, что постараюсь не выставить никаким боком в этом деле твои «клубные» делишки. Если сам не подставишься и будешь вести себя аккуратно, совсем аккуратно! В ближайшее время – чтобы никакой дури! Ты меня понял? Во всех смыслах, чтобы никакой дури.

– А по вашей линии прикроешь? Ну, ты пойми, я благодарен тебе за то, что ты нас прикрывал до сих пор. Я это всегда искренне ценил и доказывал делом. Ты никогда не жаловался, по крайней мере. Но сейчас ты просишь меня самолично сдать тебе всю нашу кухню...

– Не только твою районно-общепитовскую, заметь, – по ходу дела поправил его эфэсбэшник, – но и всю-всю национально-этническую, которая идет вразрез с национально-российскими интересами.

– Сколько тебя знаю, никогда не думал, что такие материи когда-либо тебя интересовали! – возмутился Марат.

– Прекрасно, – одобрительно улыбнулся Влад, – ты только что признался, что владеешь информацией. Даже если лишь поверхностно, докопаться до глубины сумеешь. Очень хорошо.

Марат понял, что сделал стратегическую ошибку, но осознал, что в принципе Зубров прав. Отрицать то, что диаспора стоит, прежде всего, на своем национальном интересе, и он, не последний в ней человек, располагает информацией, было бы только потерей времени. Однако давать этому человеку в руки все – безумие. Мужчина задумался.

– Мураталиев! – вытащил его из пропасти мыслей гость. – Думать тебе не надо, потому что нет над чем думать. Включи мозги и выключи тупой генератор сомнений. Мне все это надо не для того, чтобы тебя утопить. Мне с тобой неплохо живется, а нового еще приручать надо. Мне это надо для того, чтобы, зная, где можно упасть или поскользнуться, вовремя подстелить малость соломки. Чтобы твоя же шея, друг мой, не сломалась. Это я тебя защищаю.

– Позволь тебе не верить.

– Твое право. И еще для того мне это надо, чтобы быть на несколько шагов впереди ментов и ФСКН, а дело дойдет и до них, я в этом не сомневаюсь. Мой многолетний опыт работы с наркотой что-то да значит.

– Ты думаешь, его убрали какие-то наркодилеры?

Командир отряда ФСБ хитро улыбнулся, уставившись на Марата в упор.

– Да... – протянул он многозначительно, выдержав некоторую паузу. – И это ты мне тоже расскажешь: кто еще, кроме тебя тут промышляет. И постарайся сделать так, чтобы это была новая для меня информация.

– И ты станешь моей броней?

– Думаю, да.

– Что насчет мзды?

– Правильный вопрос, хозяин! Думаю... – Зубров затягивал паузу, почмокивая губами, как бы взвешивая свои интересы и сопоставляя их с грядущими трудностями. – Думаю, что, учитывая новый объем работ... Но, в то же время, беря во внимание ваш вклад в виде информации, как нужной мне, сотруднику своего департамента...

– Ты обещал держать всю информацию лишь в своем заглавнике!..

– Так и будет, так и будет, любезный! Я и сам не дурак, я не стану все сливать в наши архивы, чтобы этим пользовался кто-то другой! Я же не идиот! Твои данные мне нужны как куча козырей в рукаве для своевременных удачных ходов. Понимаешь ли, когда ясно видишь картину далеко и вперед, всегда легко быть лучшим. Информация помогает сбереечь задницу, не порвать ее в беготне за удачей. Прелесть профессионализма в том, что чем больше ты знаешь, тем легче тебе все дается. А материальные ценности нам нужны, чтобы быть всегда сытыми и, значит, добрыми.

– Я тебя понял.

– Надеюсь, я тебя успокоил. И еще одно... Думаю, тебе в голову не придет глупейшая мысль убраться отсюда, когда все утихомирится. Я же подстрахуюсь. С твоей же помощью, заметь.

– Я понимаю. Давай закончим тему сытости и покоя. Мы обсуждали...

– ... Я помню, что мы обсуждали! – не дал Марату перехватить управление беседой Зубров. – Итак, наших с парнями трудов будет больше, но я согласен думать, что ты компенсируешь это информацией. К тому же, узнав все про твоих конкурентов, я частично удовлетворю свои нужды за их счет. Итого, сумма остается прежней. Я сегодня очень добрый.

– Мне это выгодно. Я согласен.

– Отлично. – Зубров одобрительно хлопнул по столу ладонью. – Переговоры закончились успешно. Топай. Не забудь разрешить своим официантам настругать нам тут поляну, а то парни мои устали маленько сегодня.

– Принять гостя, – заулыбался, поднимаясь из-за стола, Мураталиев, – честь для любого хозяина в нашем роду!

– И чтобы за Каткой мне хорошо смотрели. Если с ее головы хоть волос... Я же понимаю, что вы ее тут посадили, ур-роды!

– Влад, – обиделся Марат, – нам-то зачем это надо? Эта девочка – наша беда. Она ходит к нам, а держать за руки мы ее не можем. Пробовали, но она пригрозила подать в суд за насилие.

– А что, уже пробовали силу применить?

– Пришлось раз. Она очень своенравная. Балованная девочка.

– Ладно, – смягчился Влад, – я понимаю. Лучше пусть тут, у тебя под присмотром, чем на улице. Я отцу ее обещал, что обеспечу ей защиту и контроль.

– К тому же, как я понимаю, она под особым наблюдением Альмира, – как бы между прочим сообщил хозяин клуба.

– Эй! – встрепенулся Влад. – Она еще школьница, ей нет шестнадцати!

– Я знаю, – с тенью сожаления в голосе промычал громила.

* * *

– Чем Альмир обещал тебя сегодня побаловать?

– Как заведено – социалка. Говорит, когда народ соберется, когда дискотека зашуршит, тогда под шумок и притащит.

– Они тут что, только на колесах ездят?

– Хм! А ты хотела, чтобы на санках?

– А почему нет? – азартно подняла удивленные брови Люся. – По снегу, например, удобнее на санках.

– И мука, Люсь, есть, и хлеб. Но – Катя мотнула головой в сторону вип-кабинетов – только для тех, кто там. Иначе, говорят, это совсем опасно. А я вот никак сама не пойму: вот эти друзья моего фазера... Они то ли прикрывают это место, то ли, наоборот, следят за ним, поджидая момент, когда можно будет откусить побольше. Или, даже очень может быть, чтобы загрызть насмерть. Выжидают, чтобы укусить наверняка... Как думаешь?

– Не знаю я, Кать. Я тут не копенгаген. Никого вообще тут не знаю и не в курсе их дел.

– Или, может, они сами – тоже клиенты?..

– Возможно и то, и то, и то. Ну, а что нам мешает туда зайти?

Катя проигнорировала Люсино предложение. Она, ковыряя со скучающим видом какую-то мизерную черную точку на салфетке, продолжала увлеченно рассуждать о своем.

– И еще я не пойму вот что. Альмир, например, выпасает меня потому, что влюбился, или Марат поручил ему держать меня как страховку? Как заложницу! Чтобы в случае грубого шага со стороны друзей моего папаши они могли бы прикрыть свои задницы моим портретом...

– Ну, Кать, долго мы тут одни будем куковать? – продолжала гнуть свое Люся. – Скучно же! И денег нет, чтобы что-то заказать. Почему этот твой мордovorот не организует нам что-нибудь интересное? Кстати, вот и он! Хотя бы вина еще заказал.

Альмир, сопровождая шуплого низенького мужичка, лишь бросил короткий виноватый взгляд в сторону девушек и прошагал мимо.

– Ты вот этого мордovorотом обозвала? – спросила Катя, проследив взглядом за Альмиром. – Думаю, ты сгущаешь краски. Не такой уж он урод. Глазки вон какие... Пушистые, влажные, добрые.

– Ты себя послушай, дурында. Ты сейчас сказала, что у мужика влажные и пушистые глаза. Ты ничего не перепутала? – буркнула Люся.

– Дурында – это ты, если ты так подумала. А вообще, чувствую я задом, что с Альмиром не скоро у нас сложится. Если вообще сложится.

– Откуда такая чувствительность у твоего зада?

– Все, что у нас есть, дано нам через личный опыт, глупая моя старшая сестрица. Я тут не новичок и уже кое-что понимаю в устройстве местной системы. Поверь мне. Похоже, у них приключились серьезные терки.

– Хочешь сказать, что я притащилась сюда напрасно?

– Угу. Боюсь, что сегодня на него рассчитывать уже не приходится. О, смотри, Талгат туда же! Значит, все плохо.

В коридор, ведущий к административному кабинету, устремилось сразу несколько молодых людей. Они все одновременно вдруг вынырнули из разных укромных уголков кафе, как черти из табакерки. Все это выглядело так, будто до этого момента все эти люди находились где-то за пределами помещения, возможно, даже в других городах, но теперь по специальному сигналу, который способны услышать только они, телепортировались в мгновение ока туда, куда их позвала таинственная сила, держащая вместе членов стаи.

– Талгат, это который? – возбудилась Люся.

– Вон тот. Высокий.

– Он покруче твоего Альмира, – мечтательно промурлыкала Люся, внимательно рассматривая парня.

– Да, – равнодушно покивала Катя, – только стороной ходит. Причем, я никогда не видела и не слышала ничего о том, что у него есть подруга. Он все время находится рядом с шефом или там, куда тот его поставит или отправит.

– Ты хотела сказать «пошлет», да?

– Нет. Талгата не трогай, а то босс за него голову скрутит и не посмотрит, баба ты или мужик. Он без него жить не может. По ходу, из-за этого у парня, боюсь, нет никакой личной жизни.

– Может, у него все же есть личная жизнь? – Люся ехидно и многозначительно приподняла одну бровь.

В воздухе зависла недосказанность, а Катя, увлеченная пересказом сплетен о топовых персонажах этой тусовки, совсем не уловила Люсин намек.

– То есть? – подтолкнула она сестру к развитию недосказанной ею мысли.

– ...с шефом.

– Ты сошла с ума, – отмахнулась сразу заскучавшая девочка. – Он не педик. По крайней мере, Марат – не педик. К нему Талгат, как раз, наоборот, водит шлюх, если верить Альмиру. Но жены у Марата, и правда, нет. Не знаю, почему.

– А этот аполлон... Он кто такой в их иерархии?

– Личная охрана шефа.

– И сваха. А кто круче по статусу: Альмир или этот, как его... Талгат? Так его зовут? А то у меня проблемы с запоминанием этих мудреных имен.

– Ага, Талгат.

– Ну так кто главнее? Твой или мой?

– Альмир – личный помощник и охрана. Талгат – только охрана. Секьюрити. А с чего это ты взяла, что он – твой?

– Твой, стало быть, ближе к телу... – погружаясь в задумчивость, промурлыкала Люся.

Она подняла и покрутила в руке пустой бокал, проверяя, нет ли там остатков вина. Вина не было. Денег тоже не было. Девушка бросила взгляд на барную стойку. Безнадежно: там не отиралось ни одного скучающего посетителя, готового проставить малышке-солнышку выпивку. Люся со вздохом разочарования поставила бокал на стол.

– А мой он потому, что я его захотела. Познакомь меня, Кать, с Талгатом. Это ничего, что он не главный. Мне в моем положении хватит и простого охранника. «Главными» я уже сыта по горло.

– Тебя что, твои шизики не достаточно трахают? Все психи и (я в этом уверена) – трахомонстры. Чего тебе не хватает?

– Страсти. Один – врач, другой – пациент. Один главный, другой тоже главный. Меня задолбало все время быть «сестричкой» и подчиняться. Я хочу стать просто женщиной, но пока я только «сестричка», всегда и во всех смыслах: одному – по службе, второму – по роли в его сексуальной фантазии. Он так привык, понимаете ли! А меня никто никогда не спрашивает!

– И третьей – по праву рождения, – хмыкнула младшая из девушек.

– Извини, Кать, – спохватилась Люся, заметив ехидную улыбку сестры, – тебя это не касается. Родство – это святое. Хотя, видишь, вот так вот и получается, что это – моя злая судьба. Но меня это не устраивает, меня это уже бесит. Я давно хочу перемен.

– И даже знаешь, чего именно ты хочешь? Или от отчаянья на все согласна, даже не таджикского слугу?

– Хочу чего-то другого. Совсем другого. Силы хочу, страсти. Много живой энергии от мужчины. Ты права в том, что оба мои старикана – шизики и одержимы трахом. Но они далеко не гиганты. Просто одержимы. Воображают, что они – крутяк. На самом же деле это все... Как-то профессионально, что ли. Они, как я подозреваю, даже не знают, что такое крутяк! Да и откуда им знать?! Их мужики никогда не трахали, поэтому им не с чем сравнить себя и свои способности...

– Так они же тебе рассказали все о своем прошлом... – перебила Катя сестру, но та только махнула рукой, продолжая плыть на своей волне.

– А все у них очень скучно, между прочим. Так, сяк и даже не в раскоряк. Я будто на еще одну работу хожу. А Талгат – он настоящий мужик. Это же видно. Самец, а не вшивая интеллигенция. Молодой, крепкий, здоровый и очень красивый самец.

– Ты что же, влюбилась?

– Нет. Любовь не имеет никакого отношения к животному инстинкту размножения, который толкает меня к этому прекрасному экземпляру самца, выделяющемуся в массе человеческой. Любовь – это психическое состояние, Катя. Это – психическая зависимость от другого человека. Может быть, кстати, и любовь к женщине. А желание быть в лапах самца – это физиология, и только.

– Твое медицинское полуобразование тебе мешает быть счастливой, сестренка. Ты слишком много знаешь.

– Не образование мне мешает быть счастливой, кузина, а опыт. Годы не проходят бесследно. Они откладываются в подкорке горькой печалью и страхом перед страданиями в случае еще одной ошибки.

– Какие твои годы, не смей меня! И какой хрени ты опять начиталась? Ты своими рассуждениями делаешь из себя блаженную. И про Талгата забудь. Забудь, кузина! С такой занудой, как ты, ему будет неинтересно, даже если и захочется тебя трахнуть разок.

Люся укоризненно уставилась на Катю, та ответила ей не менее пристальным взглядом. Через несколько секунд этой безмолвной баталии старшая из девушек поднялась со стула, поправляя на бедрах трикотажное платье. Катя подняла голову. Теперь в ее взгляде сверкал уже недвусмысленный вопрос, мол, а что это ты делаешь?

– Если ты не можешь мне помочь, я себе помогу сама. Я сама все устрою. Главное – не ссать! Мозги боятся, а бедра – делают! Смотри, малышка, как надо, смотри, для чего нам, женщинам дан зад, я тебе покажу! Совсем не для того, чтобы чувствовать неприятности, а для того, чтобы завоевывать им мир.

Люся решительно направилась туда, где только что скрылись молодые люди, обеспечивающие работу мараатовского пищебизнеса. Катя только хмыкнула, провожая взглядом нарочито вихляющие Люсины бедра. Через несколько мгновений та уже скрылась в темноте служебного коридора.

Катя от нечего делать протянула руку к своему бокалу, уже пустому, и, покрутив его в ладонях, с сожалением поставила на место. Рядом лежал телефон. Это был Люсин аппарат. У сестрицы была привычка всегда держать его рядом. Ей постоянно казалось, что кто-то важный вот-вот позвонит, а если телефон будет в сумке, то она может не услышать и пропустить звонок, упустить тем самым что-то важное в жизни.

Все медики – параноики, подумала Катя и взяла телефон. Безо всяких тайных умыслов, скорее машинально и от нечего делать, она открыла и закрыла крышку аппарата и вдруг, как будто это простое действие напомнило ей о чем-то важном, девушка решительно отложила чужой телефон и, сунув руку в сумку, достала свой.

– Это я, – сообщила она, когда услышала «Але» на том конце связи.

– Я понял, что это ты, у меня определитель еще не сломался.

– Мне одиноко. Я хочу быть с тобой.

– Я могу забрать тебя. Только что закончил дела. Еду. Ты где?

– Куда ты меня повезешь?

– Куда хочешь, только не в твое любимое кафе. Ты знаешь, у меня принцип. Я «К Марату» не ходок.

– Я как раз хочу, чтобы ты меня отсюда забрал. И, собственно, в другое кафе мне тоже сегодня уже не хочется. Это – намек, милый.

– Куда скажешь. Я скоро буду. Я уже недалеко. Не скучай.

– Буду скучать. Я всегда скучаю по тебе, мой кролик.

Катя выключила связь. Сестра еще не вернулась. Возможно, ухмыльнулась девушка, Люськины дела идут на лад. Ну, дай-то Бог!

Забросив на плечо ремешок сумки, Катя сунула в нее свой телефон, поднялась и направилась в туалет.

Сестры не было за столиком и тогда, когда она вернулась минут через пять. Телефон лежал на прежнем месте. Обнаружив это, она, не садясь за стол, направилась в сторону административных кабинетов, в тот самый бездонный космос, который поглотил ее компаньонку.

В коридоре было пусто. Войти в офис Марата девушка не решилась, но подумала, что, если нельзя позвонить Люсе, потому что та ведь без телефона, то можно позвонить Альмиру и спросить, не знает ли он, где ее сестра. Катя достала аппарат и принялась листать список абонентов, и тут трубка сама задрезжала у нее в руках. Мелодия показалась оглушающей в глухоте и темноте бокового помещения. Девушка поспешно нажала кнопку ответа и выскочила в зал.

Посетителей собралось там уже достаточно много. Под потолком, постепенно расплзаясь над столиками, уже висел плотный дымный покров, в котором, казалось, путались многочисленные и многообразные звуки.

– Игорь! Ты приехал!? Я выхожу, – промурлыкала девушка в трубку, старательно зажимая рукой второе ухо, чтобы защититься от постороннего шума, и направляясь напрямик в гардероб. – Правда, я сестру где-то посеяла, но уверена, что Люська тут не пропадет. Мы поедем в наше гнездышко, кролик? О, супер! А что у тебя сегодня для меня есть? О! Я тебя обожаю! Да, я знаю, кролик, но мне всегда приятно это слышать. Да, я очень постараюсь и обязательно сниму все заботы с твоих уставших плеч. Массаж обязателен, даже не спрашивай. Любые твои фантазии – в жизнь! Обещаю. Выхожу уже вот-вот через пару секунд. Можешь уже ловить, кролик, свою морковку!

* * *

Задний двор был довольно большим. По периметру его ограничивала сплошная бетонная стена, а соединяли с внешним миром эту хоззону широкие цельнометаллические ворота. Точнее, в это время суток они-то как раз препятствовали всяческому постороннему проникновению – были плотно закрыты. Но рано утром тяжелые створки широко распахнутся навстречу потоку грузовых машин, привозящих всевозможные продукты, и жизнь тут закипит, не хуже чем в каком-либо грузовом порту, имеющем мировое значение.

Тут же во дворе, ближе к заднему выходу из кафе, громоздились баррикады пустой погрузочной тары. Люся, усевшись на небольшой ящик, который при беглом осмотре в ночном сумраке выглядел более крепким и чистым, чем другие, курила уже третью сигарету. Ей казалось, что курительная активность помогает согреться. Без верхней одежды девушке было очень-очень холодно, но возвращаться в зал, несмотря на то что пальцы уже почти онемели, она пока не собиралась. Она была решительно настроена на то, чтобы заполучить этого самого Талгата. Она прекрасно понимала, что не тут, в холодном дворе, следует его искать, ждать или ловить, но где именно это надо делать, она понятия не имела. В коридоре его не было видно. Скорее всего, он сидел в кабинете за прочной дверью вместе с другими парнями. В любом случае это было за пределами доступных ей границ, поэтому Люся решила перекурить и заодно подумать, как ей действовать.

Увы, ничего убедительного или хотя бы более-менее разумного в голову не приходило. Возможно, виноват был холод. Но если ничего из затеи не получится, думала она, то все равно Катя не дождетя от сестры признания в поражении. И, поскольку Люся не имела представления о том, как найти Талгата, она решила хотя бы придумать мало-мальски правдоподобную историю и всучить ее как хронику своих побед. Все равно сразу возвращаться нельзя, надо для правдоподобности задержаться на какое-то время.

Сюжет, однако, не клеился. Трудновато было думать на таком холоде. Морозная дрожь отвлекала от всяческого творчества. Из-за нее Люся даже не заметила, как сзади хлопнула дверь, поэтому голос над самым ухом заставил ее подпрыгнуть:

– Не холодно ли тебе, девица?

Она испуганно обернулась. Рядом стояли три парня, тоже без верхней одежды, улыбочивые, видимо, кто-то из посетителей. Люся сразу поняла, что ребята уже порядком загрузились алкоголем. Интересно, сколько же прошло времени, подумала она, потому что отлично помнила, что покинула бар, когда тот был еще совсем пустынным.

– Нет, милые люди. Не беспокойтесь, идите дальше по своим делам, – она постаралась быть вежливой, но убедительной, потому что не хотелось скандала с пьяными посетителями, он был бы некстати, расстроил бы ее святую невинную ложь...

Хотя...

Девушка вдруг подумала, что заняться урегулированием неприятностей на подведомственной этому кафе территории может как раз тот, кто ей нужен, а разве же может быть лучший способ знакомства с парнем, чем ситуация, в которой он вынужден защитить девушку?! Люся решила, что следует позволить себе немного наглости.

– Короче, пацаны, отчаливайте. У меня тут дело.

– Пописать что ли захотелось? – криво улыбнулся один, самый противный.

– Ну да, точно, а то у них в бабском туалете вечные очереди, – захихикал другой, тот, что потолще.

– Давай, милая, не стесняйся, – оживился третий. – Мы только посмотрим, а трогать мы тебя не будем. Хотя у тебя есть что потрогать. Может, дашь?

Люсе стало совсем тошно. Ей даже показалось, что дрожь усилилась не из-за холода, а из-за ненависти, обиды и страха. Она вдруг четко осознала, что если продолжит в том же духе, то пока явится Талгат или, черт с ним, хоть кто-то другой из охраны, она успеет огрести на свою голову массу омерзительного унижения.

– Отстаньте, дебилы, – Люся умудрилась выдавить из себя почти дружескую улыбку, сделав вид, что не сердится. – Я тут на спор. Время выдерживаю. Замерзла, как собака, суставы не гнутся, а мне сидеть еще и сидеть.

Она уже едва контролировала челюсти, готовые пуститься от холода в понурый пляс.

– И долго еще осталось, красавица?

– Пусть вас это не интересует.

– От холода такая сердитая, или жизнь не удалась?

– Может, тебе мужика надо? – вякнул тот, что просился потрогать ее.

Люся презрительно хмыкнула, надеясь, что продрогшие мышцы ее не подведут и выражение лица получится очень красноречивым.

– Так мы тут, милая. Согреем в три приема, – зацепился за шутку товарища противный.

– Лучше коньяку принесите! – просьба как будто сама собой вырвалась из пересохшего горла.

– Вот это другой разговор! – одобрительно закивал толстый, который казался самым мирным из троих, и вытащил из нагрудного кармана джинсовой куртки початую бутылку коньяка. – Вы заказывали, мы исполнили.

Люся вцепилась в бутылку и сделала несколько изрядных глотков.

– Спасибо, – сказала она подобревшим голосом и вернула бутылку. – Теперь жить буду.

– А с Мариванной хочешь пообщаться? – настороженно спросил противный, прицеливаясь к горлышку бутылки, чтобы отпить в свою очередь.

– А у вас есть? С собой? Тут?

– Ну а чего мы пришли на улицу, на задний двор?! – подмигнул ей толстый. – Коньяк можно и там пить.

– Да не откажусь, если честно, – сдерживая радость, закивала Люся. – Мне так холодно, что думать и выбирать ситуацию или компанию я уже не могу.

– И чем это наша компания тебе не нравится? – обиделся тот, что хотел ее потрогать, он до сих пор плотоядно смотрел то на ее грудь, то на живот, то заглядывал назад, чтобы полюбоваться ягодицами.

– Да нет, – осеклась Люся. – Я не собиралась вас обидеть. Просто я так замерзла, что выбирать правильные слова уже не могу.

– Ну, тогда – еще коньяка и пыхни, – сказал толстый, отбирая у товарища бутылку и протягивая ее снова Люсе.

Похотливая свинья, как прозвала девушка того, кто нагло высказывал свои грязные намерения, уже прикуривал, отворачиваясь от ветра, «беломорину». Сладковато-терпкий запах щекотнул Люсин нос, и она тут же увидела перед собой любезно предложенную ей папиросу.

Когда трава начала действовать, скованные морозом мышцы расслабились настолько, что показалось, будто они вот-вот отслоятся от тела. На мгновение ей стало страшно, но страх тут же развеялся. В любом случае ощущение холода больше не доставляло таких мук, как несколько минут назад.

– Забористый продукт, – сообщила она свое авторитетное мнение.

Самый противный из парней вдруг подхватил ее слова и истерически захохотал, приговаривая:

– Забористый!.. Ой, я не могу... Забористый. Продукт – и вдруг забористый...

Холод почему-то вернулся очень скоро. Хуже того, казалось, что в расслабленных мышцах он чувствует себя совсем вольготно. Казалось, что уже даже кости начали леденеть изнутри и вот-вот это жуткое ощущение, будто ты весь состоишь из льда, доберется снизу до головы и до мозга.

– Дайте быстрее коньяка, а то мне п-п-ц! – потребовала Люся и снова приложила к бутылке.

Через какое-то время она заметила, что парни рядом двигаются вразнобой, как говорится, кто лес, кто по дрова, каждый сам по себе. Они плавали в темном пространстве, светящемся, как ей казалось, изнутри желтым светом. У Люси закружилась голова, и она посмотрела под ноги. Зрение четко фиксировало то, что находилось там, куда был направлен взгляд, вокруг же все расплывалось, и тем сильнее, чем дальше располагалось от центра фокусировки.

– О-о-о! – простонала девушка. – Не слабо забрало. Что я скажу Катке? Я же еще не придумала...

– Придумай что-нибудь забористое... – хихикнул противный.

Когда Люся делала шаг, фокус внутри окружившего ее размазанного пространства скачками перемещался вперед – туда, куда она шла. И вдруг, как будто кто-то резко переключил канал телевизора, все стало обыденным, ровным и нормальным, правда, каждый объект казался не связанным с другими, был слишком четким, самостоятельным, отдельным, в окружении других самостоятельных объектов. И не было холодно. Люся радостно и с облегчением вздохнула и обернулась. За спиной струился желтый огонь, вытекающий на улицу из открытой двери кафе.

Люся стояла перед главным входом. В своем пальто. На плече висела сумка.

– И что я тут делаю? – спросила девушка сама себя и огляделась по сторонам.

Она была на улице одна. Голову поворачивать было тяжеловато, да еще казалось, что сбоку, чуть ли не рядом, толкуются какие-то подозрительные темные силуэты, но поймать их в поле зрения никак не удавалось – они были заметны только периферийным зрением.

– Ну и фиг с вами, я вас не боюсь! – буркнула Люся и зашагала в сторону шумящей поодаль проезжей дороги. – А вот кого я действительно хочу видеть, так это Катю.

Эта мысль заставила девушку остановиться, развернуться и зашагать обратно в кафе.

К ее великому недоумению охранник перед дверью в зал преградил ей дорогу.

– Да ты сошел с ума, что ли, верзила? – возмутилась девушка. – Я сестру ищу. И, между прочим, тебе попадет за такое отношение, если я пожалуюсь. Катя меня не найдет и поднимет на рога всю твою стаю. Тебе мало не покажется!

– Ты уже искала Катю. Ее давно у нас нет, – спокойно сообщил охранник, глядя мимо девушки. – Она ушла. Иди и ты домой.

– Как это нет?! Сейчас проверим!

Люся сунула руку в карман. Потом в другой. Поставила сумку на стойку гардероба и перерыла ее сверху донизу.

– Где мой телефон?! – в ужасе спросила она у кого-то незримого, но не получив от него ответа, повернулась к охраннику: – Где мой телефон?!

– И телефон ты уже искала. Минут пять назад. Иди домой.

– Да ты понимаешь, идиот, что случится, если я не найду мой телефон?

– Нет. Не знаю, и знать не хочу. Мне за это не платят.

– Пусти меня немедленно! Он, наверное, лежит там, где мы сидели.

– Его там нет. Ты уже искала.

– Вызывай полицию! Я буду писать заявление о пропаже телефона.

– Завтра, когда проснешься, сходи в ближайшее к нам отделение и напиши заявление.

– Нет, я напишу его сейчас!

Люся села на стул около охранника, водрузила сумку на колени, сложила на ней руки и замерла, как смотрительница в музее в зале классической живописи.

Охранник нажал кнопку на рации и сказал в микрофон: «Она вернулась. Сидит тут. Думаю, что сама не уйдет», – и снова замер.

Люся на миг насторожилась, но тут же взяла себя в руки, приободрилась и вознамерилась твердо перенести любые испытания.

Через несколько бесконечно долгих минут из зала вышел Талгат. Девушка растерялась. Мысли заплясали как бешеные. Проблема с телефоном отошла на задний план. Катя была забыта. Желание бороться за справедливость растаяло как дурной сон. Она устала сидеть на парня, судорожно перебирая в голове варианты сцен, спешно думая, какую из них сыграть, чтобы приковать внимание красавчика навечно.

– Блин! Я не готова к такому повороту событий, – вдруг выпалила она, отчаянно махнув головой.

Талгат протянул к ней руку, предлагая ее как опору, чтобы Люся встала со своего места. Он как будто приглашал ее на танец. Люся мягко положила ладонь в его пальцы.

– Здрасьте! – мурлыкнула она, смутившись под взглядом, струящимся на нее сверху. – Как поживаете?

– Спасибо. Все еще хорошо. По крайней мере, не хуже, чем было пятнадцать минут назад.

– А что было пятнадцать минут назад?

– Пятнадцать минут назад вы меня спрашивали о том, как я поживаю.

Люсе стало неудобно, но она решила не подавать вида и прикинуться наивной дурочкой.

– То есть мы уже встречались?! Ага! Как я могла забыть такое важное и интересное событие?! И, скажите, чем закончилась та наша встреча? Вы пригласили меня сходить на днях в кино?

– Нет.

– А значит, на ужин?

– Нет. Но я начинаю думать, что вы, мадам, вернулись, чтобы все-таки вытянуть из меня что-то такое.

– Ну, возможно. Да! Мне нравится эта мысль. Пусть будет так. Итак, я жду.

– Оставьте мне свой номер телефона, я позвоню, когда увижу просвет в своем перегруженном графике жизни.

– Увы, у меня нет телефона.
– Это невозможно. Современная девушка имеет, как правило, не один телефон.
– У меня был один, но и его украли. В вашем кафе. Вот скажите мне, куда смотрят ваши охранники?

– Я разберусь. Обещаю.
– Хорошо. Вот, когда найдете, тогда и позвоните мне, чтобы его отдать.
– Я что же, буду звонить на аппарат, который у меня же в руках? К тому же вы, наверняка, уже завтра утром восстановите симку и поставите ее в другой телефон.
– Это правда, но аппарат надо найти. И лучше бы, чтобы он не попал в чужие руки. Это очень важно. Запомнили? Меня, кстати, Люся зовут. А вас?

– Я знаю, что вас зовут Люся. Давайте, Люся, я провожу вас до машины. Ее уже подали. Оказывается, выходя ей навстречу, парень предусмотрительно вызвал такси. На этот раз он гораздо лучше позаботился о том, чтобы отправить ее как можно дальше от своего места обитания. Девушку это задело. Она обиделась и потеряла желание говорить с ним о чем бы то ни было.

В такси она села молча, не глядя на Талгата, не ответила даже на его любезное: «До скорой встречи, барышня». Только когда такси отъехало, она пробурчала свой домашний адрес.

Первым ее порывом после этого было позвонить Кате и узнать, что за фигня только что приключилась, и где она сама, черт возьми, шляется. Но телефон снова не нашелся. Люся сжала зубы и посмотрела в окно. Тротуар за окном превратился в бесконечную резиновую ленту, знакомые кварталы казались сейчас нереально длинными, а голос в приемнике таксиста смешно басил и тянулся, как ириска, прилипающая к зубам. После очередного бесконечно долгого поворота Люся почувствовала жуткий голод и сразу, как по злобному колдовству, чуть впереди по движению выплыли из темноты светящиеся искушающим огнем витрины ночного гастронома.

– Миленький, останови! Я выйду. Сколько я должна?
– Нет, мадам. Мне указано довезти клиента до дома. А за провоз уплачено, не беспокойтесь.
– Что за хрень! Мне хреново, мудила! Останови немедленно, а то я обрыгаю твою машину!

Таксист недоверчиво покосился, но все же притормозил около обочины.

– Я подожду.

Люся выбралась наружу. На улице было холодно. В машине было тепло. Из-за спора с таксистом они успели довольно далеко отъехать от магазина, но он все еще виднелся и манил своим вкусным, ароматным огнем. Там внутри, наверное, тоже тепло. Люся захлопнула дверь и со всех ног пустилась бежать в темноту соседнего двора. «Надо спрятаться от таксиста, а к магазину я потом вернусь» – мелькнуло у нее в мозгу.

Девушка довольно долго бежала по двору, воображая, что злой водитель с трубой от глушителя преследует ее по пятам и караулит во всех темных закутках. Наконец, она запыхалась, запарилась и остановилась. Чуть отдышавшись, Люся осмотрелась и с детским изумлением открыла для себя то, что совершенно заблудилась.

* * *

На этой дурацкой периферии не было вообще ни одной аптеки, не говоря уже о круглосуточных. Цилицкий уже час бродил и вдоль проезжих улиц, больших и поменьше, и по узким дорожкам, пересекающим дворы. Ничего! День не удался. И ночь не принесла облегчения. Он уже даже не понимал, от чего страдает больше: от жажды нырнуть обратно в тот мир, где нет жестких неуютных углов, где все гладко, красиво, комфортно – как раз так, как ему приятно,

или от обиды за то, что наглый грубый мир не позволяет этой жажде удовлетвориться. Невыносимо было терпеть. Еще хуже было осознавать, что терпит он по принуждению, а не по собственному выбору.

Вера забыла шприцы. Обещала и забыла. А может быть, подозревал Виктор, она специально не взяла их, чтобы поиздеваться над ним еще больше?! Как будто ей мало было того приключения, на которое она обрекла его творческую ранимую душу! Подумать только! Она заявила, что не взяла шприцы только потому, что хотела сама в эту ночь быть его наркотиком. Да как она может сравнивать себя с нормальным трипом?!

– Нет наркотикам – нет сексу! – заявил Виктор, когда женщина уже начала раздеваться, и решительно открыл дверь, указывая ей, что она должна делать.

Конечно, было страшновато. Вера не тот человек, который легко спускает обиды и оскорбления, а предложить ей исчезнуть с глаз долой было явным оскорблением. Но желание уйти в мир лучший, чем ее похотливая плоть, было сильнее страха быть не прощенным. В конце концов, он пережил сегодня такой шок, после которого никакие громы и молнии со стороны стареющей матроны, пусть даже немислимо богатой, уже не страшны. Мало того, что она выдернула его из любимого жилища, и даже из уютной мастерской, поселив в чужой, давно промозглой без хозяйского глаза квартире, так она вдобавок пыталась лишить его маленькой слабости – права расслабиться. А он это, между прочим, честно заслужил!

Веру надо было отправить восвояси! Только так он получал возможность спокойно пройтись по району, чтобы найти аптеку, купить шприцы и стать счастливым. Сегодня такая прогулка была еще совершенно безопасной, потому что этой ночью им пока что никто не заинтересуется. Быть счастливым, думал Виктор, лучше, чем подчиняться чужой воле. Свои собственные желания, рассуждал он, прекраснее чужих желаний. Лучше быть одному, чем удовлетворять кого-то вопреки собственному удовольствию. Чужим счастьем счастлив не будешь...

Полный отчаянья и злости из-за ожидающей его пустой мучительной ночи, Цилицкий открыл дверь подъезда. Его окутал влажный, но теплый воздух, пахнущий старой подплесневелой древесиной, сырой штукатуркой и пожелтевшими обоями, рассыпающимися прямо на стенах квартир этого подъезда. С каждым этажом ему становилось все противнее идти дальше. И он уже решил отправиться обратно к себе домой, но услышал чуть выше какое-то неловкое шевеление. Следующее, что он ощутил, были мурашки, пробежавшие у него по шее с затылка на спину. Но любопытство, коварное любопытство, которое сильнее даже инстинкта самосохранения, которое часто и приводит человека к гибели, потянуло его дальше вверх.

Ступая с этого момента предельно осторожно, как будто разносившиеся по подъезду несколько секунд назад его отчетливые шаги могли остаться не услышанными, он поднялся на несколько ступенек и заглянул за поворот лестничного пролета.

На площадке на корточках, прижавшись спиной к батарее, сидела девушка. Выглядела она воистину олицетворением отчаяния. Осмелев, Виктор поднялся по ступеням и остановился напротив, возвышаясь над несчастной, как монумент, воплощающий силу и мужество. «Все же бывает полезно, – подумал он, глядя сверху вниз, – найти кого-то такого, кто унижен гораздо больше, чем ты».

– Ты в порядке? – осторожно поинтересовался он, уже чувствуя великодушное сочувствие к существу, зажатому в угол, но все еще опасаясь того, что вопрос навлечет на него самого, на Виктора, новые ненужные хлопоты, ибо инициатива, как он знал, наказуема: если предложишь помощь, то, скорее всего, придется обещание выполнять. – Алё, гараж, все о'кей?

– Нет. Все плохо! – буркнула девушка, не поднимая головы.

– И что же плохо? – поддался любопытству Виктор.

Какой-то кровожадный зверь внутри него ликовал от того, что кому-то еще хуже, и страстно хотел узнать, а насколько хуже? С другой стороны, великое Эго пискляво ныло, что

«хуже чем у меня быть не может», а поэтому все претензии на обратное сразу попадали в разряд детского лепета, и Эго очень хотело убедиться, что оно победило.

Девушка, все так же не разгибая спины, подняла руку, желая, видимо, продемонстрировать Виктору то, что находилось в ней. Это был маленький пластиковый пакетик с чем-то похожим на табак.

– Что это? – замерев и боясь спугнуть волнующую щекотку где-то в районе желудка, спросил мужчина.

– Я замерзла. Я заблудилась. У меня нет денег и телефона, есть только трава. Я даже не знаю, откуда она взялась, но у меня нет ни гильзы, ни спичек. Жевать – не вставляет. Ну так как, по-твоему, это все достаточно хреново?

Цилицкий широко улыбнулся.

– Да, для тебя до сих пор это было достаточно хреново, – сказал он сразу повеселевшим голосом. – Почти так же хреново, как было у меня. Но мы встретились и наши «хреново», перекрестившись, превратились в «отлично».

– У тебя есть спички? – наконец подняла голову девушка, в ее голосе мерцала надежда.

Она была довольно милая. Аккуратная. Кажется, пьяная, но явно из интеллигентных, а не юная алкоголичка из районной братии. Виктор протянул ей руку:

– Пойдем. У меня и согреться можно. И поесть. И огонь я тебе гарантирую.

– Уу! Я страшно хочу есть! А что у тебя еще есть?

– Еще есть кетамин, но он, увы, не у дел – у меня нет шприцов. Я обошел весь район, но не нашел ни одной аптеки...

– Ух ты! – воскликнула девушка и передернула плечами так, будто отгоняла остатки холода и отчаянья. – Над нашей встречей, действительно, горит какая-то счастливая звезда. Мы явно были нужны друг другу.

– Не понял? – насторожился Цилицкий.

– Я, вообще-то, медсестрой работаю. И всегда, когда выхожу погулять с подругами, захватываю в больничке пару-тройку стерильно запаянных шприцов. Ты рад?

– У тебя есть шприцы? – осторожно спросил Виктор, боясь услышать, что это была шутка.

– Ага. Меня Люся зовут. А тебя?

– С собой?

– Нет, в деревне у дедушки ждут! Конечно с собой, балда. Зачем бы иначе мне тебе про них рассказывать?!

* * *

Все вокруг двигалось с другой скоростью, то ли быстрее, то ли медленнее, чем он сам, но, бесспорно, с другой скоростью.

В последние годы он стал замечать в желтых пятнах под фонарями новый для себя смысл, которого – точно – не было раньше никогда. Еще несколько лет назад они просто горели, они просто были, как данность. Они безропотно и покорно, как хорошо вышколенные и незаметные рабы, молча освещали асфальт и прохожих и ничем не смели обратить на себя внимание. Но однажды Пал Палыч нечто заметил, и с тех пор наблюдение за этим нечто, изучение этого феномена стало его тайным увлечением. В этом банальном явлении – в свете уличных фонарей, однажды он рассмотрел характер и даже настроение.

Какое-то время ему хотелось давать некоторым столбам с лампами наверху имена, но следователь Кузнецов решительно вышвыривал эту глубокую сентиментальность из потока своих мыслей. Но, как бы стойко Пал Палыч ни боролся, он уже больше не мог игнорировать ощущение того, что свет фонарей не равнодушен к его настроениям, что он их чувствует и понимает и каким-то тонким мерцанием весьма адекватно реагирует на них. Это успокаивало, потому

что растворяло в воздухе чувство одиночества и крепнувший страх того, что каждое новое дело может стать последним и не законченным.

Лучше всего он чувствовал себя среди фонарей, которые прокладывали его маршрут в темноте от метро к зданию отделения полиции, где Пал Палыч занимал небольшой, но отдельный кабинет.

Кузнецов, отгоняя параноидальные размышления о том, насколько эффективным психотерапевтическим средством могут оказаться бетонные столбы, глубоко вдохнул воздух. Примораживает, заметил он. Ну, конечно, такой глубокой осенью, как сейчас, воздух имеет обыкновение ближе к полуночи становится морозным. Он взглянул на часы – в участке, наверняка, давно никого нет. Но спешить домой ему было ни к чему, потому что там его никто не ждал: жена умерла восемь лет назад от рака, и дети вскоре разъехались по своим новостройкам в других районах Москвы. До закрытия метро оставалось еще достаточно времени, а участок и дом находились от станций в пешей досягаемости.

Внутри здания было темно. Только в отсеке охранника за стеклом моргал тусклый свет от мониторов и телевизора.

– Пал Палыч! – удивленно, но радостно прорычал дежурный голосом, хриплым от долгого молчания перед телевизором. – Почему так поздно? Что-то случилось? Как, кстати,живает наш господин Асанов, который сегодня скончался?

Парень ехидно захохотал, довольный собственной шуткой.

– Вот об этом я и хочу подумать, Олег. Эти стены, знаешь ли, источают сам дух криминалистики, поэтому в них легче думать о том, кому нужна чужая смерть, чем дома в уютном теплом кресле или на диване под любимым пледом. И надо бы мне еще посмотреть кое-какие документы в архиве. Дай-ка мне, друг мой, ключи от моего кабинета. И от архива ключ я тоже сразу прихватю. Может, и не дойду до него сегодня, потому что, согласен, очень поздно уже, но если вдохновит какая-то идея, то не хочу бегать к тебе лишний раз. Мы, люди старые – люди ленивые, знаешь ли. Вот вырастешь, вспомнишь мои слова и скажешь: «Да, прав был старина Пал Палыч!»

Кузнецов взял ключи и побрел вверх по лестнице.

Жогов только что в разговоре, естественно, подтвердил, что вокруг Асанова было неисчислимое множество тех, кто жаждал избавиться от него район, потому что Асанов не отличался принципиальностью и не имел понятия о справедливости. Эрлан запросто мог утром перейти на сторону того, кого вчера поздно вечером обличал, как преступника, и стать на время лучшим другом вчерашнего заклятого врага. И никто не мог предполагать, на сколько хватит Асанова в очередной игре. Это было очень неудобно. Все говорили, что такую тактику теперь уже покойный чиновник применял для того, чтобы взятки росли, и ему это удавалось. Иногда, отвернувши нос от вчерашнего партнера, к вечеру следующего дня он получал от него удвоенную сумму. При этом, следующая ставка начиналась с предыдущего взвинченного ценового уровня.

В общем, как доверительно рассуждал только что в приватной беседе Жогов, отправить на тот свет чиновника могли как те, кто находился у Асанова в фаворе и довольно поблескивал глазами, готовясь заглотив самые лакомые куски Бутово, так и другие, обиженные и глотающие лишь слюни. Первым его устранение нужно было для того, чтобы не вырвалась у них из рук мимолетная удача, как это часто бывает с теми, кто имеет дело с Эрланом, чтобы не упорхнула их Синяя Птица при досадной перемене ветра в голове главы земельного департамента района.

И все же, даже появление хищной стаи Зуброва на месте смерти чиновника не свидетельствовало о том, что смерть эта была насильственной.

Жогов, однако, так и не припомнил, чтобы Асанов когда-то жаловался на нездоровье, а общались эти двое довольно часто и бывали в разных ситуациях. Кузнецов Жогову доверял.

«И, тем не менее...» – подумал следователь и, нащупав в кармане ключи от архива, устало ступая, отправился изучать материалы многочисленных дел, в которых так или иначе упоминалось имя Асанова.

* * *

Утро было вполне сносным. С некоторыми допущениями можно было даже назвать его милым. Правда, время после полудня обычно никто уже не называет «утром», но Вера все в своей жизни отсчитывала по-своему. Она проснулась буквально только что. Утренний сон приносил ей особое наслаждение. Обычно муж, уходя на работу, непременно будил ее, но снова заснуть после его ухода и еще долго сладко нежиться, посапывая, было приятно каким-то особым образом. В это время никогда не снились кошмары, тело мягко расслаблялось, а отзвуки просыпающейся за окном жизни напоминали детство и приносили глубочайшее умиротворение.

Собственно, сегодня она могла бы спать еще долго, потому что дел в галерее не было: текущая экспозиция уже заканчивалась, но готовить новую пока еще было рановато, а со случайно залетевшим клиентом девочки сами умели разобраться, – но Вера очень захотела Вика. Просыпаясь в неге этого первого за долгую неделю спокойного утра, она вдруг ярко представила, как он ласкает ее спину и целует ягодицы.

Долго не думая, Вера поднялась. Главные обряды утреннего туалета она совершила спешно, а возиться с мелочами не было смысла, потому что она собиралась заняться сегодня бурным сексом, а не вести деловые переговоры или блистать на коктейле.

Небо было ярко-синее, небольшие желто-розовые перья облаков делали его веселее. Солнце добавило выразительности рыжим листьям и превратило в зеркало проезжую часть – наверное, ночью все же шел дождь. Нет, скорее, недавно поливали дорогу. Тротуары же сухие – заметила Вера.

Движение было не особенно плотным, но на светофоре недалеко от выезда на МКАД выстроилась приличная очередь. С первого зеленого ей прорваться не удалось, да и на второй рассчитывать, похоже, не приходилось. Но московские пробки – это тренинг выдержки и воли. Деваться из них некуда – только вперед, только тогда, когда, наконец, повезет. Вера не собиралась портить себе настроение этой досадной неувязкой, потому что знала, что Вик никуда не денется и, безусловно, будет рад ее появлению, как дети радуются, когда родители приходят забрать их из садика – Вера сейчас была единственным звеном, связывающим Вика с внешним миром. И сейчас он уже не посмеет отнекиваться, ссылаясь на стресс и усталость! Да и вряд ли захочет, подумала она, щурясь от ярких бликов солнца на боках стоящих рядом машин.

Женщина, чтобы как-то развлечься, включила радио, достала и закурила тонкую сигарету, вытащила телефон.

Сзади раздался визгливый гудок – набирая номер Виктора, она прозевала то, что впереди загорелся зеленый светофор, и машины зашуршали, стремясь вырваться на простор. Вера, прижав телефон к рулю и не выпуская из пальцев сигарету, медленно подалась чуть вперед. Поток автомобилей почти сразу же пресекаясь.

– И нечего было так нервничать, – ехидно прошипела она, глядя в зеркало заднего вида, и воображая, что раздраженный водитель позади слышит или хотя бы догадывается о том, кем она его считает.

Это заняло секунды и только позабавило, но, слава Богу, не внесло какой-либо оттенок диссонанса в радужное настроение. Как только наступило очередное затишье, Вера снова вернулась к телефону. Она уже нашла номер Вика и готова была нажать кнопку вызова, но вдруг остановилась, глубоко затянулась сигаретой и, выпустив дым, сама у себя спросила:

– Интересно, чего я хочу больше: тепленького Вика, только что из-под одеяла, или свежепомытого, во всеоружии? Предупредить или преподнести приятный сюрприз, накинувшись на него прямо с порога? Подготовленного или ошарашенного?

«В конце концов, – просчитала Вера самый верный ход, – из теплого постельного Вика в любой момент можно сделать что-то другое, но быстро вернуть его в это состояние уже после душа невозможно!» Она отбросила телефон на соседнее пассажирское сиденье и, улыбнувшись в предвкушении, отпустила тормоз и прибавила газу. Этот зеленый свет был для нее.

Мансарда, куда она перевезла Вика вчера, была громадной, занимала все свободное пространство под крышей старого дома на окраине Москвы. Чудо, что дом этот еще сохранился в гонке новостроек пухнувшей столицы! Впрочем, стоять ему оставалось недолго.

Чердачное помещение какое-то время назад было с боями и взятками выкуплено ее подругой-художницей под мастерскую, но довольно скоро заброшено, потому что оказалось, что вкладывать громадные деньги как в крышу, так и в стены, предстоит бесконечно долго и много. Только две дальние комнаты и помещение, отдаленно напоминающее кухню, были более-менее отремонтированы и пригодны для обитания. Находились они в глубине чердака и пробираться к ним приходилось через темный лабиринт недостроенных коридоров и перегородок.

Вера вспомнила об этом помещении сразу, когда они с мужем только начали обдумывать план. Муж одобрил идею, и она позвонила подруге. Та с легкостью дала ключи. Вопросов о цене интереса к мансарде не возникло никаких – подруга была как земля колхозу обязана Вере за содействие в организации выставок и в очень дорогой продаже ее картин, а иногда даже сама уверяла, что это помещение отчасти принадлежит Вере, потому что куплено было после одной из выгодных сделок. К тому же и в возне с документами весьма существенно помог муж Веры, включив свои солидные связи.

Необходимые для нормальной жизни вещи: одеяла, постельное белье, кое-какая посуда и продукты на несколько дней были закуплены заранее. Вещи Виктора она тоже перевезла накануне. Накануне же вызвала мастера и починила краны в не до конца отремонтированной, но, в принципе, действующей и чистой ванной. С газом и электричеством проблем не было.

Вику новое место понравилось, но, узнав, что ему придется там пребывать как минимум дня четыре, а то и все семь в неделю, при этом никуда не выходя ни днем ни ночью, он закапризничал. Уговоры Вера вела долго и изобретательно и в конце концов страх за его собственную бледную шкуру и «легко ранимую нервную организацию» победил. Он весьма испугался вероятности того, что в случае несогласия ему придется много общаться с полицией и отвечать на бесконечные вопросы. Он этого не желал даже ради того, чтобы снять с себя всяческие подозрения, «нелепые и бессмысленные».

Убедило его и предложение покровительницы относиться к грядущему периоду полу заключения как к «творческому погружению в себя для избавления от пагубного влияния безвкусных и грубых социальных штампов».

Она сумела убедить его еще и в том, что нет ничего прекраснее, чем несколько дней беззаботно валяться в разостланной кровати и мечтать в свое удовольствие, глядя в небо через наклонные окна в крыше: делать ему там будет больше нечего.

Женщина неслышно отомкнула дверь, стараясь, чтобы Вик не обнаружил ее прихода раньше времени. В суматохе последних дней она заметила, что игра в криминал, оказывается, доставляет ей массу удовольствия. Такая ролевая игра служит, пожалуй, отличной прелюдией к сексу: нервы напрягаются, чувства обостряются. Застать его врасплох – это отличная идея, подумала она. Сердце возбужденно заколотилось, когда она подумала о том, что вот-вот его голое тело окажется рядом.

Чтобы проложить себе дорогу в темном коридоре, Вера включила экран панели мобильного, но все равно двигаться приходилось наполовину на ощупь и поэтому очень медленно. Усугубляло положение то, что она очень старалась не на шуметь. «Идеально получится, – фантазировала женщина, постепенно продвигаясь к цели, – если Вик все еще спит». Вера представила, как он удивится, просыпаясь от совершенно не ожидаемых в его ситуации прикосновений ее холодных после улицы рук. «И, пожалуй, от поцелуев в самом интимном месте!» Улыбка растянула ее губы, когда она представила, как его плоть начинает тихонько подниматься, протестуя против оков Морфея. «Сначала он подумает, что это сон, – решила она, – и интересно, каким будет его первое слово, когда он проснется?»

Увлеченная фантазиями женщина наступила на что-то твердое и узкое и с шумом повернула ногу.

– Черт! – в отчаянии шепнула она и затаилась, зачем-то быстро спрятав мобильник в карман, будто он производил лишний шум, а не свет, который кроме нее сейчас видеть некому.

Через пару мгновений к женщине вернулось самообладание и она с ухмылкой вспомнила, что до комнаты, где поселился Виктор, остается еще целых два поворота и три пролета по коридору, а это значит, что вряд ли он что-то слышал. «Впрочем, – тут же решила она, – интересно будет, наоборот, немного его напугать... Все равно я не уверена, что он до сих пор спит».

Вера посветила телефоном на тот предмет, о который споткнулась. Это была ножка сломанной табуретки. Женщина пнула ее ногой, отправив с грохотом кувыркаться по коридору. Эхо придало жути всей ситуации, и мурашки побежали по затылку даже у нее, у виновницы, которая отлично знала, что происходит, которая сама же это все и затеяла.

Со стороны комнат не донеслось ни звука. Вера прошла еще пару шагов, повернула направо и, подняв с пола кусок доски, с хрустом протянула ее концом по стене. Дверь где-то вдали, за поворотом, осторожно скрипнула. Вера вдруг осознала, что прямо у нее за спиной находится другая дверь в какую-то комнату, и тут же придумала новый план, решив поиграть еще круче.

Она юркнула внутрь, но вход за собой не прикрыла. Это надо, решила она, чтобы видеть или хотя бы слышать Виктора. Тем временем мужчина, осторожно крадучись, уже проходил мимо. Сердце у Веры забило так громко, что она испугалась, не услышит ли его стук ее любовник?! Азарт распалился и будоражил ее нервы. Она даже чуть высунулась, когда поняла, что жилец миновал дверь и движется в сторону выхода.

– Бинго! – прошептала женщина одними губами, когда разглядела в сумраке, что он голый, лишь на его бедрах намотано полотенце.

Вера решила выйти из укрытия в тот момент, когда Вик на обратной дороге поровняется с ее дверью. Она даже придумала, что не просто выйдет, а втащит его, ничего не ожидающего, в эту темноту, сорвет дурацкое полотенце и сделает что-нибудь такое, от чего любой просто ошалевает. Потом он обязательно простит ей это маленькое безобразие, но не сразу, потому что Вера обязательно должна будет и так и сяк вымалывать у него это прощение.

– Тут никого нет, – вдруг услышала она голос Вика.

Все ее фантазии растаяли быстрее, чем дым сигарет. Там, в комнате, кто-то есть? Ее сердце забило еще сильнее, чем прежде.

– Ты хоть понял, что это шумело?

В комнате была женщина!

– Нет, мурка, ничего не понял. Может, что-то с вентиляцией. Или, возможно, от соседей снизу. Или птицы с котами носятся по крыше как дурные.

Он шел обратно. Он проходил мимо двери, за которой с дрожащими руками стояла Вера.

– Мурка, я уже иду, – кричал на ходу ее любовник, – сбрасывай одеяло и раздвигай ножки! Мне от страха очень захотелось чего-то очень сладкого!

«Скотина!» – стучало в висках у Веры. Вик уже давно прошел мимо, снова скрипнула дверь, а она все еще сжимала свой телефон и смотрела в темноту.

Ей стало казаться, что теперь в наступившей тишине она отчетливо слышит звуки возни, вздохи, шепот, скрипы, стуки. Когда сознание все же вернулось, женщина поняла, что это было все же лишь ее воображение. Вокруг царил гробовая тишина.

Вера тихо вышла в коридор и побрела прочь, но всего лишь через пару шагов в направлении выхода вдруг застыла, постояла секунду, а потом развернулась на сто восемьдесят градусов и, ступая предельно осторожно, направилась снова в сторону жилых комнат.

Чем ближе она подходила, тем отчетливее слышала уже не воображаемые звуки возни, скрип кроватных соединений, тихие переговоры, стоны время от времени – Вика и еще чужие, женские.

Перед дверью Вера, замерев, долго держалась за ручку, не зная, как ей поступить: дернуть с шумом, с грохотом, ворваться и поубивать всех на месте или, может, отойти, позвонить, чтобы полицейские приехали и прямо такого, голого, увезли бы в участок?

Нет, вдруг сообразила она, так поступить нельзя, потому что он потянет за собой на дно и ее.

Еще – можно уйти. Навсегда! И никогда больше не приходить. И не отвечать на звонки Вика, а он обязательно позвонит, потому что захочет есть и развлекаться. Он попросту обделается от страха, когда поймет, что его бросили в этой дыре без денег, без еды, в смертельной опасности, из-за которой он не может нос высунуть на улицу, потому что на всех углах уже висит листовка с его портретом. Хотя, снова осеклась Вера, эта прошмандовка может его подержать, сбегать в магазин, приготовить еду. Может она, наверно, и деньги ему давать какое-то время, веря обещаниям, что он вернет все до копейки. Оставалось одно – убить всех на месте!

Вера тихонько потянула дверь на себя. Дверь предательски скрипнула. Вера отпрянула в сторону и затаила дыхание, но, похоже, любовники, увлеченные друг другом, ничего не услышали и не заметили. Или решили, что это сквозняк. Вера заглянула в щель.

Ей было отлично все видно.

Девушка была молодая. Как будто кто-то гвоздь воткнул Вере в горло, когда она увидела, как молода партнерша, с которой Виктор ее обманывает. И куда делись капризы: мол, я очень устал от всего этого, я напуган, мне не до секса, милая, давай потом, потому что мне надо отдохнуть! Так вот, значит, каков его отдых! Зря он думает, что может так запросто выбирать свой досуг и свою компанию. Пускай она, Вера, возможно, уже никогда с ним в постель не ляжет, но она не спустит ему эту обиду, это оскорбление!

Девушка была молода и мила. Зато, подумала Вера, отнюдь не богата, судя по одежде, которая валялась на стуле около кровати. Такие жалкие тряпки ни одна уважающая себя женщина на себя не наденет! И, судя по всему, она была не из среды творческой интеллигенции. Она была простушкой, насколько могла рассмотреть Вера через щель.

И тут ее взгляд упал на уголок стола, примостившийся глубже в комнате. «Вик совсем распустился!» – разозлилась женщина, увидев, что разбросано на столешнице. К этому моменту ее самообладание уже вернулось, и Вера подумала, что убить их – это слишком просто. Ее ум уже почуял наслаждение от криминальных игр, и она теперь желала поразмыслить в спокойной обстановке и изобрести какое-либо изощренное наказание, преисполненное изящества и оригинальности. Осторожно и тихо ступая, она направилась к выходу.

Дойдя до двери, за которой недавно укрывалась, женщина остановилась, несколько секунд поразмыслила и юркнула в темноту.

– В конце концов... – шепнула она сама себе. – А кто и когда сказал, что надо откладывать удовольствие на потом, если его можно получить тут и сейчас?!

Вера набрала номер Вика.

Она не дала ему возможность ответить, тут же сбросив вызов. Она не собиралась с ним разговаривать. Во-первых, это было выше ее сил, а во-вторых, это было рискованно: ее могли услышать. Но сразу после сброшенного вызова она набрала и отправила на номер теперь уже однозначно своего экс-любовника сообщение, в котором было одно короткое слово: «Еду».

* * *

Районная больница скорой помощи была для Пал Палыча, увы, хорошо знакомым местом, но, слава богу, вовсе не по причине одолевавших его хворей. На свое здоровье Кузнецов пока еще не жаловался. Санитарок, медсестер, врачей, расположение отделений и хитросплетения бесчисленных и бесконечных больничных коридоров следователь знал по долгу службы. Тут он находил как потерпевших, так, иногда, и преступников. И очень часто именно отсюда начинала виться ниточка, потянув за которую, Пал Палычу удавалось распутать каверзные замыслы весьма изобретательных умов. Другими словами, тут он бывал часто.

Дежурная в справочном отделе, едва увидев следователя, поспешила выбраться ему навстречу из-за своей стеклянной стены и зачастила один вопрос за другим, и все они касались смерти Эрлана Асанова. До сотрудников на всех уровнях иерархии этой больницы, похоже, уже дошел слух, что ночью в морг привезли не обычный труп. Никакие приказы о строжайшем соблюдении секретности, хотя бы из уважения к покойному, но в первую очередь из государственно-административных соображений, не имели силы противостоять сарафанному радио.

– Милая Клавдия Васильевна, да вы, как я вижу, сами можете мне рассказать то, чего я и слышать не слышал об этом деле! – попытался отшутиться Пал Палыч. – Вы бы лучше помогли бы мне, чем расспрашивать о том, что лучше меня знаете.

– Все, что пожелаете, дорогой Пал Палыч! Только спросите. Если знаю – вмиг сообщу следствию!

– Мне бы знать, бывал ли у вас уважаемый покойный в последние... Нет, лучше за весь прошедший год. И к каким врачам обращался?

– Ну, дорогой мой Пал Палыч! Неужто вы считаете, что такой человек, как Асанов, пошел бы в наше заведение, более, чем скромное, за медицинским обслуживанием?! У таких людей свои, высокие мерки... Он сюда за всю свою службу ни разу даже по работе не заходил. Территория, поди, в его районе находится, а он носа не казал. Гордый был. Впрочем, что ему тут делать?! Земля уже распределена, так ему и интереса больше нет, руки-то погреть не на чем. Говорят, он взяточник был еще тот! Вы в курсе?

– Понятно, Клавдия Васильевна, о покойнике говорят либо хорошо, либо никак.

– Так не ругаю ж я его. Я просто передаю вам информацию.

– Из не проверенных источников, как я понимаю.

– А дыма без огня-то не бывает, знаете ли!

– Ну а про его здоровье ничего не дымили ваши непроверенные источники?

– Нет, не припомню...

– Ну вот! А кто же мне про его здоровье расскажет?! – совсем закручинился следователь. Женщина из справочного окна, сочувствуя собеседнику, искренне огорчилась:

– Ну, даже не знаю... Дайте подумать, может, соображу что-то, Пал Палыч, дайте секунду...

– Ну, ничего, не переживайте, Клавдия Васильевна, моя работа такая – искать то, что сокрыто от глаз, – успокоил ее следователь. – Я докопаюсь. Но сначала мне надо навестить одного товарища. Позвольте?

– О, милости просим, Пал Палыч! Вам все можно.

Вежливо избавившись от назойливого любопытства дежурной, Кузнецов, приветственно кивая налево и направо встречным врачам и медсестрам, направился на третий этаж, в хирургию.

Прилепского, начальника отделения, на месте не было. Дверь была закрыта на ключ, но надпись на двери говорила о том, что как раз сейчас у него должно быть приемное время. Зная, как часто врачам приходится бегать по кабинетам собственного учреждения, решая те или иные вопросы, следователь решил подождать и смиренно сел на хромированный стул рядом с дверью. О чем конкретно ему хотелось спросить доктора, он сейчас и сам толком не знал. Но надо ведь было начинать с чего-то. Главное – ввязаться в бой, говорил себе в таких случаях пожилой и опытный служитель порядка.

Леонид Жданович Прилепский влетел в коридор спустя двадцать минут с видом человека, озабоченного важным делом. Кузнецов осознал, что успел задремать за то время, пока его не было – сказывалась бессонная ночь.

– Чем могу служить, уважаемый Пал Палыч? – поинтересовался Прилепский, когда следователь закрыл за собой дверь его кабинета. – Присаживайтесь, прошу вас. Я внимательно слушаю.

Кузнецов знал, что Прилепский не искренен. Никак у них не складывалась дружба. В отличие от других врачей и заведующих отделениями всех медицинских учреждений района, этот хирург как будто имел свою тайную профессиональную жизнь, деталями которой не хотел делиться с блюстителем закона. Следователь чувствовал это всеми фибрами своей души, но ничего изменить не мог. Поэтому-то он никогда до конца не верил Прилепскому. Но они всегда вели разговор в благодушном тоне, как будто ни одна сторона не имела даже маленького камешка за пазухой.

Хирург был гораздо младше следователя, из-за чего Пал Палыч позволял себе держаться в слегка отеческой манере. Врач вежливо позволял это, но не поощрял.

– Леня, я к тебе по делу.

– Слава богу! Я рад за ваше здоровье, Пал Палыч. Наверное, я даже догадываюсь, по какому.

– Еще бы ты не догадался! Все учреждение с самых низов зудит об этом! Да, я из-за вчерашнего приключения.

– Но что я могу для вас сделать? Я, честно говоря, даже удивлен тому, что вы пожаловали ко мне.

– Возможно, что не много сможешь сделать. Но всему, что сможешь, я буду рад. Поможет любая информация.

– Боюсь, я вряд ли смогу вас порадовать информацией...

– Я знаю, – перебил, может быть, слегка чересчур раздраженный упорным сопротивлением собеседника Кузнецов, – что ты консультируешь в частной клинике, которую посещают все наши административные акулы. Расскажи мне о здоровье Асанова. Какие у него были проблемы?

– Но, Пал Палыч, вы же знаете, что есть такое понятие, как врачебная тайна.

– Да брось, Леня! Какая врачебная тайна?! Кому ты теперь можешь нанести вред ее раскрытием? Репутации покойника? Ему уже все равно. А вот закону не все равно.

– А какое дело закону до того, чем он болел?

– А такое, что вскрытие показало в трупе остатки кетамина.

– Довольно безобидное вещество, если вы не в курсе.

– Еще скажи: если не злоупотреблять...

– Нет, не скажу, но скажу, что он не вызывает физического привыкания. То есть не разрушает организм, насколько может не разрушать организм любое вещество, которое мы принимаем сверх потребности в нем нашего тела. Это относится к любым лекарствам. Кетамин,

кстати, в некоторых странах используют в терапевтических целях, и он помогает жить еще долго и счастливо многим обреченным на смерть. Например, практики последнего времени в Израиле...

– Леня! – снова перебил уставший и раздраженный следователь. – Прекрати надо мной издеваться. Лучше помоги!

– Вся проблема этого препарата, Пал Палыч, – лишь чуть-чуть сбился со своего курса Прилепский, – в психической зависимости, которая развивается при длительном приеме этого препарата. К хорошему человек привыкает быстро, а отказываться не желает. Даже простая сигарета вызывает привыкание к наличию содержащихся в ней веществ, и потому постоянно требуется их восполнение. А кетамин нет – этого не требует. До сих пор зафиксировано, я повторяю, только психическое привыкание к так называемым трипам, к блаженному и удивляющему состоянию, которое он дает. Человеку приятно сбрасывать с себя хоть на время проблемы этого мира.

– Безвольному, слабому человеку, хлюпику, не бойцу...

– Не буду спорить. Вы совершенно правы. Но люди – разные. Есть и такие, о которых вы сейчас высказались таким пренебрежительным тоном.

– Потому что я их действительно презираю.

– Ваше право. Но есть и такие, которые во время трипов запоминают состояние и позже учатся освобождать свое сознание от напряжения уже самостоятельно, без помощи препарата.

– Так, Леня, я все равно не занимаюсь проблемой его легализации, так что все выше сказанное – не ко мне.

– Я понимаю. И сожалею по каждому такому случаю. Многим нашим больным он был бы полезен, но он им недоступен. А чем еще я могу быть вам полезен? Я имею в виду, чем еще кроме того, что прочитал для вас маленькую лекцию о кетамине?

– За лекцию – отдельное спасибо, – разочарованно пробурчал Кузнецов.

– Ну а почему бы вам не запросить информацию у лечащего врача Асанова?

Доктор уже, по всему было видно, устал от разговора и думал, как бы сплавить Палыча куда подальше. Он даже встал и начал перебирать какие-то бумаги в шкафу, повернувшись к гостю спиной.

– Да потому, Леня, что я хочу совета, а не сухой информации. Я хочу услышать не столько резюме его медицинской карты, сколько какие-либо догадки, какие-то мысли вслух, наводящие на неожиданную, но ценную идею. Дело, понимаешь, такое, что зацепиться не за что. Нужна идея.

– Например? Поточнее. Я не очень понимаю, чего вы от меня хотите?

– Прилепский, послушай, ты человек молодой и в медицине много знаешь. По роду занятий ты имеешь дело со всякими препаратами, которые отключают сознание...

– Сходите лучше к анестезиологу. Я – хирург.

– Я знаю, кто ты, Прилепский. Поверь мне, я знаю больше, чем ты думаешь, что я знаю.

Это сообщение задело внимание врача, он оставил в покое свой шкаф и вернулся на прежнее место за столом напротив полицейского.

– Еще раз, Пал Палыч. Я не понимаю, что могу для вас сделать. Поставьте мне правильно задачу. Я постараюсь ее для вас решить. Обещаю.

– Ты что же, сознательно играешь со мной? Я уверен, что ты очень хорошо знаешь, что для того, чтобы правильно задать вопрос, надо иметь на него ответ. Ведь ты это знаешь, правда? По глазам вижу, что знаешь. Так вот, я не могу правильно поставить тебе вопрос, потому что еще только ищу ответ. Но я подозреваю, что нужно: начать с выяснения причины смерти. Почему он умер, и мог ли вообще этот кетамин его убить? Ничего другого в его организме не нашли, а ты – врач – говоришь, что кетамин безопасен. Так что же мне делать?! За какую идею зацепиться, чтобы ниточка начала разматываться?

Прилепский уставился на следователя и молча рассматривал, как тот усиленно чешет затылок, рассеянно глядя куда-то на стену. Наконец пожилой человек встрепенулся:

– Хорошо, скажи мне, уважаемый, вот что. Это ты точно должен знать, потому что вы используете кетамин для наркоза...

– Использовали! – перебил его хирург. – Теперь не используем. Точнее, используем лишь в весьма специальных случаях.

– Хорошо, пусть так, но это не меняет сути. Ты знаешь, как он действует. При каком заболевании большая доза этого вещества может вызвать смерть?

Леонид Жданович задумался, все так же глядя на следователя, потом, недовольно покрутив головой, сказал:

– Хорошо. Я попробую вам помочь. Расскажите как он умер? Как это выглядело?

– Вот это уже другой разговор! Ты решился обменять мою тайну следствия на свою врачебную. Это хорошо! Такая сделка меня устраивает.

– Это мой кабинет, господин Кузнецов, – вдруг зло отрезал Прилепский, – и я сам буду решать, что тут хорошо, а что – плохо. Если хотите по-другому, вызовите меня к себе повесткой.

– Не любишь ты меня, Леонид Жданович!

– Не люблю, уж как хотите это принимайте.

– Ну ладно. Не кипятись, давай продолжим. Если ты будешь так любезен, конечно...

Хирург согласно кивнул, и следователь обрисовал в подробностях картину, которая представилась ему прошлым вечером в мастерской Цилицкого.

– Все признаки эпилепсии, значит. Вот что я вам скажу, уважаемый Пал Палыч. Ищите того, кто накануне снабдил покойного той солидной дозой кетамина, которую вы в нем нашли.

– Ну, прости, только что ты сам меня убеждал в том, что кетамин не опасен. По крайней мере, его прием не летален.

– В общих случаях – так и есть. Но Асанов страдал эпилепсией. Он серьезно от нее лечился и в последнее время даже казалось, что ее победил. Однако есть одно «но». Как лекарственный препарат кетамин предназначен прежде всего для выведения людей из депрессии. В этом смысле он – уникальное средство. И он влияет на моторные функции, потому что действует возбуждающе на нервные центры. Но у Асанова не было депрессии. Ему не надо было пить кетамин. Ему нужно было бы принимать успокоительные. Мы, врачи, знаете ли, многое видим по человеку, даже если его проблемы не из нашей профессиональной парафин.

– Я понимаю, – внимательно слушая, кивал Пал Палыч.

– Так вот, людям с эпилепсией кетамин противопоказан. Я, кстати, об эпилепсии Асанова знаю потому, что полгода назад имел честь делать небольшую операцию уважаемому покойному Эрлану. Операция не имеет отношения к делу, он тайно пришел к нам в отделение, потому что в той клинике я его консультировал, но вылечить мог только тут, на этих аппаратах.

– Я понимаю... Значит, вы думаете, что его спровоцировали на эпилептический приступ, чтобы затем воспользоваться этой ситуацией для убийства?

– Я, считайте, уверен. Расскажите мне, сделайте одолжение, если я окажусь не прав.

– Но кетамин же вводят внутривенно, разве не так?

– Но вы же не нашли следов от уколов! И нашли при этом в теле покойного кетамин. Значит, ответ на ваш вопрос: нет, не так. Точнее, преимущественно так и есть, его вводят внутривенно, но возможен, будьте уверены, вариант таблетки. И такую таблетку запросто можно перепутать с какой-то другой таблеткой. Более того, кетамин можно принимать и в порошке – перорально или в нос, как кокаин.

– То есть его могли обмануть и подсунуть смертоносный препарат вместо привычного лекарства или же другого, не опасного для него наркотика?

– Думаю, что именно так и было. Но теперь, уж простите меня, мне действительно надо работать. Как говорится, пациенты ждут.

Пал Палыч молча поднялся, пожал врачу руку, кивнул в знак признательности и вышел.

Пройдя пару метров по коридору, он сел на хромированный стул, стоящий около кабинетной двери, и, облокотившись локтями на колени, задумался.

Получается, что это все же убийство. Гребаное, наглое, вызывающее убийство. «Ну на кой черт оно мне на закате карьеры? – рассуждал про себя Кузнецов. – Все равно, кроме пенсии, никаких новых почестей и служебных продвижений мне не светит, лишь только хлопоты и повышенное внимание со стороны начальства. Да, не дай Бог, еще и прессы. Со стороны всех: и своих и не своих».

* * *

Звонок телефона сбил с ритма и рассеял те сладкие ощущения, что росли в нем и сулили скоро взорваться на пике своей кульминации очень мощным эмоциональным разрядом. Телефон звякнул только два раза и тут же замолк, но этого было достаточно, чтобы разрушить все.

Виктор, притормозив, усилием воли выгнал из головы мысли, не подходящие к ситуации, и, вроде, дело начало налаживаться, но тут прожужжал сигнал эсэмэски. Мужчина, учитывая сложное текущее положение его дел, не смог снова проигнорировать эти настырные попытки вторгнуться в его блаженство и, обмякнув, рухнул на Люсю. Он был сражен, и результатом поражения была полная потеря эрекции. Она полностью, без остатка, полетела ко всем чертям. Люся, естественно, разочарованно фыркнула. Виктор потянулся к телефону.

«Вот почему так: когда кого-то ненавидишь, – с досадой подумал он, прочитав имя той, которая звонила и прислала сообщение, – то именно этот человек и становится причиной всех воображимых и невообразимых неприятностей?!»

Но додумать ответ на этот риторический вопрос Цилицкий не смог, потому что другая мысль, как девятый вал, смыла все предыдущие и заполнила его сознание без остатка. Надо было очень быстро придумать, что прямо сейчас сказать Люсеньке, чтобы та тут же ушла, но, уходя, не задавала бы сложных вопросов, типа, кто тебе звонил и что тебе написали? Он же не мог ответить ей, что с минуты на минуту приедет любовница, точнее, мамка-любовница, которая обеспечивает его беззаботное существование и выгрызает при этом душу. Честный ответ никак не подходил, потому что Виктор надеялся провести в будущем еще не одну ночь с этой милой, доброй и искренней девушкой.

– Витя, что случилось? Что тебе написали? Кто это звонил?

«Началось!» – мысленно поздравил сам себя Виктор и, как бы разочарованный от того, что приходится сворачиваться, скатился с Люси на простыню.

И тут спасительная идея, простая, как дважды два, озарила его сознание. Мужчина бодро чмокнул девушку в щеку и радостно сообщил:

– Мурка, мне бесконечно печально от того, что эта ночь закончилась. Мы повторим ее в самое ближайшее время, обещаю тебе, но сейчас у меня момент профессионального триумфа. Наверное, это ты, мой ангел, его принесла. Признавайся!

Он игриво чуть-чуть потряс девушку за плечи, будто пытался извлечь из нее правду о ее светлой миссии в его судьбе, и тут же спешно поднялся. Обойдя постель, он взял Люсину одежду и бросил к ней на кровать, чтобы девушка поняла, что ей пора одеваться и, значит, уходить.

– Что случилось? – неуверенно перебирая свои вещи, снова спросила подружка.

– Милая, тебе надо уходить, и, увы, довольно быстро. Сюда едет хозяин галереи, где я выставляюсь. Едет он с очень богатым европейским покупателем. Надо заключить сделку.

– Почему мне нельзя быть? Это же даже придаст тебе значительности. Это же стильно. Я в кино видела, что девушка художника всегда рядом с гением. Тем более, что я сильно младше тебя. Это придаст тебе еще и шарма. Раз у тебя такая молодая подружка, значит, ты – не зануда.

– Не так вдруг, дорогая. Для начала мне надо будет сводить тебя на несколько моих вернисажей, представить публично, так сказать, в мягкой форме.

«Почему бы и нет? – прикинул Цилицкий. – В конце концов, от Веры пора уже отделяться, по крайней мере, она должна постепенно привыкать к тому, что у меня жизнь продолжается!»

Неохотно одеваясь, Люся обиженно пыхтела.

– Скорее, пожалуйста, скорее, – поторопил ее Виктор, – мне еще надо принять ванну до их приезда, чтобы не пахнуть сексом так откровенно. И надо немного прибрать тут. Особенно вон те красоты на столе.

– А когда у нас будет первое публичное явление?

– На следующей неделе.

– А почему сейчас не ты к ним едешь? Почему встреча не в галерее и не в мастерской, а у тебя дома? – не отставала с расспросами подружка.

Одевалась она при этом, правда, уже довольно шустро, и только эта ее очевидная поспешность удерживала Виктора от взрыва бешеного протеста против ее болтовни.

«Ну почему женщины всегда пытаются найти подвох?! – зудели у него в голове вопросы, на которые он уже давно не надеялся найти ответы. – Почему они не могут действовать просто: им сказали, как поступить, так они и поступили?! Зачем все эти бесконечные попытки понять суть происходящего?!»

А между тем время шло, грозовая туча надвигалась, становясь в его представлении все больше и чернее.

– Милая, я не знаю почему! Они мне не объяснили, а я, как ты видела, не имел возможности спросить. Одевайся, пожалуйста, быстрее. Возможно, они просто были в таком месте, из которого проще приехать сюда, чем в галерею. Или коллекционер интересуется тем, как живут русские гении искусства...

– И твой агент не стесняется показать ему такие условия? – хмыкнула Люся, уже причесывая волосы.

Виктор нежно обнял ее сзади за плечи, тихонько подталкивая к выходу, и поцеловал в висок.

– Знаешь, мурка, а в этом как раз есть некоторый смысл. Любой человек теряет в непривычных, кардинально новых для него условиях и перестает привычно рубить мир по своим меркам. Тут-то его можно незаметно для него самого нагнуть в нужную тебе сторону. А такое жилье, как мое, для любого богатея – терра инкогнита! Ты уже готова, моя хорошая? Давай, я тебя провожу, там темно.

Собираясь выйти из комнаты, Виктор сунул ступни в тапки и зажал в руке мобильник.

– Вдруг позвонят. Нельзя пропустить, – не очень убедительно объяснил он.

– Ты же голый! – Люся, смеясь, кивнула в сторону его мужской радости.

– Ав коридоре меня никто не увидит, – успокоил Виктор, выводя девушку из комнаты и помогая ей не споткнуться во мраке. – И по телефону тоже не увидят! А с тобой рядом мне, по-любому, приятнее ходить голым. К тому же я прямо сейчас – в ванну. Мурка, я позвоню, постараюсь вечером быть для тебя свободным. У тебя, кстати, будет еще немного дури?

– Я постараюсь. Но я сегодня работаю во вторую, это значит, что до полуночи.

– Очень хорошо. Тогда я точно буду свободен. И буду тебя ждать.

– Будешь греть кровать?

– И охлаждать шампанское!

Виктор, наконец, довел Люсю до двери, предусмотрительно посмотрел в глазок и, убедившись, что за дверью еще никого нет, вытолкнул девушку в коридор.

– Прости, что не провожаю, ты же понимаешь, да? Дела душат!

– Не очень понимаю, если честно, потому что проводить – дело пяти минут. Ну, ладно, на первый раз прощаю, а там посмотрим.

Она не очень ласково чмокнула его в губы и, наконец уже, пошла вниз по лестнице. Пару каких-то мгновений, пока девушка не скрылась за поворотом лестничного пролета, он, голый, стоял в дверном проеме, делая вид, что дорожит каждой минутой, когда может видеть ее.

Закрыв в конце концов дверь, Виктор поспешил обратно в комнаты. По дороге, прямо на ходу, прямо в темном коридоре он набрал номер Веры. Он хотел узнать, где она, и решить, за что хвататься в первую очередь: за уборку улик его ночного баловства, которое Вера, без сомнений, сочтет преступлением, или спокойно сходить в душ и еще чуть-чуть помечтать.

Но пальцы неохотно бегали по кнопкам, выбирая нужный номер. Виктору совсем не хотелось услышать ее голос раньше времени и, уже нажав вызов, он даже решил отменить связь, не дожидаясь ответа. Но не успел. Странный звук отвлек его внимание. Он, удивленный и настороженный, опустил руку с аппаратом, так и не нажав кнопку разъединения, и прислушался. Где-то в его квартире звонил мобильный телефон. Этот звук доносился не с нижнего этажа. Телефон звонил в его квартире. Виктору стало страшно.

Мужчина почувствовал, что его кожа покрывается мурашками. По телу пролетел – откуда только взялся – холодный сквозняк.

Звук был где-то совсем рядом. Он даже стал громче. Он был знакомый, этот звонок. Прислушиваясь и очень осторожно подходя к повороту в коридоре, Виктор решил подсветить себе дорогу в темноте и вспомнил, что до сих пор не выключил мобильник. Он нажал кнопку для разъединения связи, готовый следующей кнопкой активировать фонарик. Несанкционированный гудок тут же вякнул и заглох.

Виктор осторожно высунул голову и заглянул за угол во мрак.

Нечто темное вдруг материализовалось из полутьмы, к которой еще не привыкли глаза. И сразу дикая боль оглушила сознание. Тело в страшных муках скрючилось в невероятном изгибе. Виктор пошатнулся. Вера, а это была она, со всей присущей ей силой стукнула коленкой Виктору в пах еще раз. Второго нападения он не выдержал и упал, ноя от нестерпимой боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.